

АПОЛОГІЯ СОКРАТА.

АПОЛОГІЯ СОКРАТА.

ВВЕДЕНІЕ.

Апология Сократа, по своему содержанию, есть не просто защитительная рѣчь въ отношеніи къ тѣмъ частнымъ пунктамъ обвиненія, которые изложены были въ доносахъ Мелита и Анита, но полный отчетъ старца въ долготѣнней его жизни и дѣятельности. Оправдываться Сократу иначе, кажется, было и невозможно; потому что у него, какъ у философа практическаго, все частное находилось въ связи съ общимъ, всѣ поступки вытекали изъ понятій. Слѣдовательно, вмѣнять ему въ вину нѣчто отдѣльное, значило-вмѣнять все; а вмѣнять все—было тоже, что осуждать и умственную и нравственную и политическую жизнь его. Такое общее изображеніе Сократовой жизни, изложенное Платономъ въ разсматриваемомъ сочиненіи, сообщаетъ ему необыкновенную силу убѣдительности и дѣлаетъ крайне мелочными клеветы, внесенныя на аѳинскаго нравоучителя; такъ что, и по замѣчанію Цицерона ¹, онъ *ut non reus, sed potius dominus et magister judicum esse videretur*.

Апология Сократа, въ отношеніи архитектурическомъ, совершенно удовлетворяетъ существеннымъ требованіямъ классической теоріи рѣчи: она состоитъ изъ приступа, раскрытія главнаго предмета и заключенія ².

¹ *Quaest. Tusc. 1. 21. de Orat. 1. 31.*

² Это сочиненіе не только для послѣдователей Сократа, но и для позднѣйшихъ ораторовъ служило образцомъ составленія ораторской рѣчи. *Fabric. Bibl. Gr. T. III. p. 72. Harl. Fisch. ad Apol. p. 66.*

Въ приступѣ (р. 17. 18. А.) Сократъ развиваетъ ту мысль, что его обвинители ораторствовали краснорѣчиво; а онъ станетъ объясняться просто, первыми представляющимися словами: за то въ ихъ рѣчахъ не было нисколько правды; а отъ него судьи не услышатъ ничего, кромѣ истины ¹.

Главная тема Аполוגіи можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: *Цѣлая жизнь Сократа не только служитъ опроверженіемъ сдѣланныхъ на него доносовъ, но можетъ быть понимаема и какъ благодѣяніе для республики. По этому не смерти, а почетнаго стола въ Пританіонѣ Сократъ имѣлъ бы право ожидать себя, хотя и смерть для него есть не зло, а добро.* Эти мысли раскрыты въ двухъ отдѣлахъ, или частныхъ рѣчахъ Аполוגіи, изъ которыхъ первая долженствовала быть произнесена прежде приговора судей, а другая—послѣ того.

Въ первой рѣчи (р. 18—24 В.), Сократъ защищается сначала противъ давняго невыгоднаго о себѣ мнѣнія, будто онъ — *мудрецъ, умствующій о небесномъ и испытывающій подземное.* Это мнѣніе было невыгодно для него потому, что люди, слышавшіе о немъ подобныя толки, никакъ не могли представить себѣ, чтобы онъ вѣровалъ въ боговъ; это мнѣніе было для него даже страшнѣе формальныхъ доносовъ Мелита и Анита, потому что подкапывалось подъ цѣлую его жизнь и сдѣлалось голосомъ всѣхъ Аѳинянъ. Какимъ же образомъ Сократъ опровергаетъ его? Мы вполне уразумѣемъ силу этого опроверженія, если предварительно выскажемъ нѣсколько мыслей, стоящихъ въ связи съ разсматриваемымъ предметомъ.

Всякій умъ склоненъ къ кичливости; но умъ чловѣка, имѣющаго какія-нибудь причины заниматься собою, еще болѣе склоненъ къ ней. Эта правда, прежде чѣмъ введена

¹ Известно, что въ аѳинской республикѣ всякій, доносившій суду о какомъ-нибудь общественномъ дѣлѣ, долженъ былъ раскрывать его пользу или вредъ особенною рѣчью. Впрочемъ см. *Tuchsen. de judicio Heliastarum in Socratis causa constituto. Biblioth. d. alten Litter: Götting. 1786. 87.*

была въ сознаниі христіанъ, въ полусвѣтѣ представлялась и язычникамъ. Между тѣмъ, прилагая ее къ сужденію о какой бы то ни было дѣятельности, люди почти всегда слишкомъ стѣсняють объемъ ея. Такова видно уже ограниченность нашего взгляда! Мы забываемъ, что кичливъ умъ Эвтифрона, когда онъ приписываетъ себѣ даръ пророчества и опытное знаніе святости ¹; кичливъ умъ Анита, когда онъ почитаетъ себя великимъ политикомъ и тщеславится вліяніемъ на дѣла общественныя ²; кичливъ умъ Калліаса, когда его самолюбіе находитъ себѣ пищу въ покровительствѣ софистамъ всѣхъ націй ³; кичливъ умъ Мелита, когда онъ выставляетъ предъ свѣтомъ мнимое свое попеченіе о нравственномъ воспитаніи юношества ⁴; — мы забываемъ все это, и помнимъ только одно, — что кичливъ умъ Сократа, когда онъ философствуетъ о небесномъ и испытываетъ подземное, — помнимъ единственно по тому, что въ этомъ случаѣ умъ напоминаетъ непосредственно о самомъ себѣ. Впрочемъ это сужденіе, сколь оно ни частно, не всегда бываетъ ложно: исторія человѣческихъ заблужденій въ самомъ дѣлѣ представляетъ много примѣровъ умственного киченія въ области философіи. Какимъ же образомъ узнать, когда именно философствующій умъ кичливъ и когда нѣтъ, или, что тоже — чѣмъ отличается ложная философія отъ истинной? Обуздать кичливость ума, значить, покорить его вѣрѣ: отсюда, — кто вѣруетъ, тотъ не кичливъ; кто кичливъ, тотъ не вѣруетъ. Слѣдовательно вѣра есть признакъ философіи истинной, а невѣріе — ложной. Но какая, скажутъ, тамъ философія, гдѣ умъ водится вѣроу? и какая тамъ вѣра, когда онъ философствуетъ? Мы думаемъ иначе, и надѣемся доказать, что живая вѣра почти необходимо требуетъ философствованія. Умъ нашъ, какъ безотлучный сопутникъ падшаго человѣчества, поми-

¹ Euthyphr. p. 3, C.

² Menon. p. 94 E.

³ Protag. p. 311. A.

⁴ Euthyphr. p. 2. C. Apolog. 25. C.

нотно впадаетъ въ заблужденія: и науки, и искусства и жизнь практическая—все носитъ печать его ошибокъ и увеличиваетъ сумму его погрѣшностей. Представьте же, что, увлеченные кичливостію ума, мы безъ сознанія уклонились отъ прямого пути истины, внушаемой вѣрою: мы идемъ по дебрямъ, перебираемся чрезъ овраги, тонемъ въ пескахъ, или грузнемъ въ тундрахъ. По этимъ пропастямъ идетъ большая часть человѣчества, идутъ всѣ науки, идетъ и философія. Но наконецъ надобно же одуматься! Представьте опять, что въ нашей душѣ, среди крайнихъ опасностей утомительнаго странствованія, вдругъ блеснула мысль, что мы не на своей дорогѣ, а на какомъ-то распутіи, и пусть эта мысль будетъ голосомъ вѣры, которая, какъ Платоново воспоминаіе о бытіи домірномъ, ясно изображаетъ намъ, гдѣ и куда надлежало бы идти существу разумному. Мы рѣшаемся возвратиться; но какимъ образомъ? Не по прежнимъ ли тундрамъ, пескамъ и оврагамъ? — съ тѣмъ только различіемъ, что нѣкогда эти трудности странствованія были для насъ случаями къ побѣдамъ, ибо преодоленіе ихъ казалось дѣломъ славнымъ; а теперь онѣ должны внушать намъ уничтоженіе и увѣренность въ собственномъ безсиліи. И дѣйствительно, что такое подвижническая жизнь людей благочестивыхъ, какъ не обратное шествіе ихъ съ распутой свѣта на призывъ вѣры? Правда, многимъ кажется, что ихъ подвиги состояли только въ умерщвленіи плоти трудомъ, воздержаніемъ и бодрствованіемъ. Но если бы спросили насъ: въ смирившейся плоти можетъ ли обитать кичливый умъ? — мы конечно отвѣчали бы, что можетъ. — А сопровождаемая кичливымъ умомъ, можетъ ли она возвратиться на путь вѣры? — Безъ сомнѣнія нѣтъ. — Чтожь отсюда слѣдуетъ? — То, что не одна плоть, но и умъ долженъ вступить на такое же поприще труда и самоумерщвленія, что и уму надобно перейти чрезъ прежнія бездны, пересмотрѣть усвоенные помыслы, изслѣдовать сросшіяся съ душею начала и потомъ отвергнуть весь нечистый отстой познаній, имѣющихъ свойство надме-

вать его. Вотъ почему любомудріе признавалось необходимымъ даже въ пустыняхъ, пещерахъ и кельяхъ отшельниковъ! И вотъ характеръ философіи истинной! Она отличается отъ ложной не содержаніемъ, — ибо предметы изслѣдованія въ той и другой одинаковы, — а направленіемъ, поколику первая идетъ отъ заблужденій къ вѣрѣ, а послѣдняя — отъ вѣры къ заблужденіямъ; та сознаетъ свою слабость, а эта, — свою силу и могущество; одну и Сократъ уже назвалъ философією, потому что она только искала мудрости, но не находила ея на землѣ; а другой тотъ же самый Сократъ иронически давалъ имя мудрости, потому что она присвоила себѣ совершенное знаніе истины.

Теперь понятно, почему сынъ Софрониска, защищаясь противъ давняго, невыгоднаго для себя мнѣнія, отказывается отъ названія мудреца, и какую силу его оправданію сообщаетъ указаніе на тѣ поиски мудрости, въ которыхъ онъ провелъ всю жизнь и которыми раздражилъ почти всѣ словія общества. Мы воображаемъ Сократа, смѣло идущаго на встрѣчу своему вѣку, и хлопотливо старающагося остановить многочисленную и шумную толпу мудрецовъ всякаго рода, чтобы они одумались, замѣтили свое заблужденіе и поняли, что именованіемъ знанія у нихъ прикрито невѣжество, что истинная мудрость можетъ быть только цѣлію человѣческихъ стремленій, а не приобрѣтеніемъ, и что въ собственномъ смыслѣ она принадлежитъ одному Богу. Такимъ образомъ цѣль аѳинскаго нравоучителя была — обуздать кичливость ума, то-есть, отъ слѣпой вѣры въ свою мудрость возвратить его къ философскому изслѣдованію познаній, чтобы наконецъ онъ убѣдился въ слабости своихъ силъ и пробудилъ въ себѣ потребность высшей помощи, подъ условіемъ которой, говоритъ Платонъ, только и возможна истинная добродѣтель. Таково было направленіе Сократовой философіи! Въ основаніи ея лежало убѣжденіе въ незнаніи, и потому Сократъ никакъ не смѣлъ усвоить себѣ мудрость. Но кто не знаетъ и сознаетъ свое незнаніе; тотъ естествен-

но—на пути къ мудрости, которая, по чувству сына Софронискова, есть Богъ; слѣдовательно Аѳиняне несправедливо навязываютъ ему невѣріе въ боговъ. При томъ, кто отъ убѣжденія въ собственномъ незнаніи идетъ къ мудрости и ищетъ ея; тотъ конечно мудрѣ мнимыхъ мудрецовъ, которые и потому уже невѣжды, что почитаютъ себя мудрецами. Этимъ умозаключеніемъ Сократъ оправдываетъ также и слова оракула.

Защитившись такимъ образомъ противъ общаго и давняго мнѣнія Аѳинянъ, обвиняемый приступаетъ къ разсмотрѣнію доноса, сдѣланнаго Мелитомъ и Анитомъ. Такъ какъ доносъ ихъ состоялъ изъ двухъ пунктовъ обвиненія, будто бы то-есть *Сократъ развращаетъ юношей и не признаетъ боговъ, признаваемыхъ обществомъ, а вводитъ новыхъ геніевъ*; то и оправданіе также раздѣляется на два пункта: въ первомъ доказывается, что Сократъ или во-все не развращалъ юношей, или развращалъ ихъ неумышленно, а потому подлежитъ не уголовному суду, а частному вразумленію (р. 24 В—26 А); во второмъ утверждается, что, вѣруя въ геніевъ, рожденныхъ богами, онъ не могъ не вѣровать и въ самыхъ боговъ (р. В.—28 А.).

Излагая первое доказательство, Сократъ сначала искусно намѣкаетъ на различіе между законодательною, или теоретическою стороною хорошаго воспитанія дѣтей и практическою. На вопросъ сына Софронискова: кто дѣлаетъ юношей лучшими? Мелитъ указываетъ и на законы, и на судей, и на народъ. Сократъ прямо не опровергаетъ Мелита, но говоритъ, что счастливо было бы общество, еслибы улучшателей находилось въ немъ такъ много, а развращалъ—одинъ я; да не такъ бываетъ. Всѣ мы прекрасно говоримъ о добродѣтели и нравственности: а когда надобно подать примѣръ и научить самымъ дѣломъ; то въ послѣднемъ случаѣ дѣти наши едвали не больше находятъ поводовъ къ развращенію, чѣмъ къ улучшенію своего сердца. Кто улучшаетъ лошадей, спрашиваетъ Сократъ? всѣ ли, которые по-

нимають, какова должна быть хорошая лошадь? Нѣтъ, они чаще портятъ ихъ. Лошадь становится лучшею подъ управленіемъ одного наѣздника. Такимъ-то наѣздникомъ кичливыхъ мудрецовъ и былъ аѣинскій нравоучитель, а потому онъ не развращалъ, но практически улучшалъ юношество. Впрочемъ положимъ, продолжалъ Сократъ, что я въ самомъ дѣлѣ портилъ его: но могло ли это быть съ намѣреніемъ? Кто согласится воспитывать крокодиловъ и тигровъ, когда знаетъ, что надобно будетъ жить въ ихъ сообществѣ? Нѣкоторые критики, соображая слова Ксенофонта ¹ *τοὺς δὲ τοιοῦτης λόγους ἐπαίρειν, ἔφη (κατήγορος), τοὺς νέους καταφρονεῖν τῆς καθεστῶσης πολιτείας, καὶ ποιεῖν βιαιῆς*, которыя онъ влагаетъ въ уста Мелита, и, припоминая положеніе Платона въ Государствѣ (р. 296. 297), что нѣтъ никакой несправедливости заставить кого-нибудь дѣйствовать вопреки прежнему закону, когда новое дѣйствіе было бы лучше, почитаютъ этотъ оборотъ Сократова оправданія чисто софистическою уверткою. Но мнѣ кажется, что приведенныя мѣста должны быть понимаемы не слишкомъ въ строгомъ смыслѣ. Можно найти много доказательствъ, что Сократу и Платону вообще не нравилась демократическая форма правленія — особенно въ томъ видѣ, какъ она развилась и усилилась въ Аѣинахъ послѣ Перикла: однакожъ ни изъ чего не видно, чтобы въ школахъ этихъ философовъ воспитывалась партія, враждебная кореннымъ законамъ аѣинской республики. Обращеніе Сократа съ Алкивіадомъ, котораго онъ будто бы надѣялся противопоставить современнымъ демагогамъ, и слова его (Gorg. 481 D) Калликлесу: «я люблю Алкивіада и философію, а ты любишь народъ и сына Перилампова» относятся только къ чувству нравоучителя, скорбѣвшаго при взглядѣ на злоупотребленіе отечественными законами подъ вліяніемъ народной тиранніи. Итакъ, оправдываясь извѣстнымъ образомъ, Сократъ могъ оправдываться и не софистически: онъ могъ го-

¹ Mem. Socr. 1. 2. 9.

ворить по внутреннему убѣжденію, что ему гораздо пріятнѣе было бы жить съ такими гражданами, которые отличаются добродѣтелию, хотя формы добродѣтельной жизни ихъ, требуемая Сократомъ, были и несогласны съ нѣкоторыми частными выраженіями тогдашней аѣинской политики. Онъ чувствовалъ, что хорошее, по его мнѣнію, было бы хорошо для всѣхъ; потому что его философія желала обществу всякаго добра, какое только могло быть въ гармоніи съ вѣчною истиною и нравственными цѣлями человѣчества.

Подобную софистическую уловку и неосновательность критика находить въ оправданіи Сократа и противъ втораго пункта обвиненія. Говорятъ, что Мелить и Анить осуждаютъ сына Софронискова не въ безбожіи, а въ непризнаваніи отечественныхъ боговъ и въ принятіи новыхъ геніевъ (*ἕτερα δαιμόνια καινά*). Между тѣмъ Сократъ доказываетъ только то, что, допуская геніевъ, онъ уже не безбожникъ, ибо геніи суть божества и дѣти боговъ; о согласіи же своей вѣры съ вѣрою народною не говоритъ ничего. При томъ, обвинители слово *δαιμόνιον* разумѣютъ въ значеніи имени существительнаго, которое у Грековъ было уменьшительнымъ и прилагалось къ различнымъ предметамъ языческаго богопочтенія: напротивъ, обвиняемый принимаетъ его за прилагательное, въ смыслѣ *τοῦ δαιμόνιος πράγματος*, или *σπριεῖς*. Но изъ этихъ основаній опять нисколько не видно, что оправданіе Сократа носитъ характеръ софистическій. Аѣиняне, сколько-нибудь знакомые съ знаменитымъ своимъ нравоучителемъ и его философіею, вѣроятно слышали отъ него о чемъ-то геніальномъ, которое въ затруднительныхъ случаяхъ будтобы внушало ему, что надобно дѣлать и чего нѣтъ. Вотъ и Эвтифронъ, узнавъ, что Сократа обвиняютъ во введеніи новыхъ и отрицаніи древнихъ боговъ, тотчасъ напалъ на причину обвиненія и сказалъ: «понимаю,—ты объявляешь, что съ тобою—всегда твой геній» (*Plat. Euthyphr. p. 3. B.*). Какимъ же образомъ Греки могли разумѣть Сократово *τὸ δαιμόνιον*? Вѣруя въ бытіе геніевъ и почитая ихъ такими су-

ществами, которыя, по волѣ боговъ, блюдутъ жизнь частныхъ лицъ и управляютъ ихъ дѣйствіями ¹, они естественно должны были придти къ мысли, что это геніальное есть нѣчто предметное, существо высшаго рода, тѣмъ болѣе, что сынъ Софрониска въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнялъ его словомъ *θεός*, наприм. Alcib. 124. C. *θεός, ὅσπερ σοί με οὐκ εἶα— διαλεχθῆναι*, или у Ксенофонта (IV. 8. 5. §. 8), *ὁρθῶς δὲ οἱ θεοὶ τότε μοι ἐναντιοῦντο*. Но разумѣя τὸ δαιμόνιον въ смыслѣ существа предметнаго, Аѳиняне однакожъ были увѣрены, что внушенія геніевъ никогда не входятъ въ столь ясное сознаніе, въ какомъ онѣ представлялись Сократу, а потому могли думать, что аѳинскій мудрецъ допускаетъ бытіе какихъ-то особенныхъ божествъ; по крайней мѣрѣ личные враги его рады были и этому поводу для обвиненія нравоучителя предъ судомъ и народомъ. Итакъ выраженіе Мелитова доноса, по нашему мнѣнію, надобно понимать слѣдующимъ образомъ: Сократъ вѣруетъ не въ такихъ геніевъ и боговъ, въ какихъ вѣруетъ общество, а въ другихъ новыхъ (то-есть иначе дѣйствующихъ на человѣка). Если это объясненіе наше справедливо; то очевидно, что софизмъ скрывается не въ оправданіи Сократа, а въ доносѣ Мелита; потому что Мелитъ отъ вѣры въ иной образъ дѣйствования божества заключаетъ къ вѣрѣ и въ иное божество. Потому-то обвиняемый и защищается прямо противъ софизма, то-есть, доказываетъ, что τὸ δαιμόνιον у него есть геніальное, а не геній, и что геніальное однакожъ должно происходить во всякомъ случаѣ отъ геніевъ; слѣдовательно, вѣруя въ геніальное, онъ вѣруетъ и въ геніевъ; значить, вѣра его объективно ни чѣмъ не отличается отъ вѣры отечественной. Но что заставляло Сократа, съ словомъ *δαιμόνιον* соединять значеніе имени прилагательнаго, которое, какъ видно, Аѳиняне понимали совершенно иначе, и которое навлекло на него столько бѣдъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы могли бы снова припомнить то, что высказали нѣкогда

¹ *Hesiod. Opp. et dd. v. 120. sqq. Plat. Cratyl. 397. E. de Republ. p. 469. A.*

(сочин. Плат. стр. 18): но не любя повторений, скажемъ только, что новая идея необходимо требуетъ и новаго слова, хотя оно, на первый разъ, для слуха непривычнаго и ума нефилософскаго иногда кажется и диковатымъ. Сократу нужно было выразить не объективное бытіе генія, или бога, а дѣйствіе его на человѣческую душу, или нѣчто божественное въ человѣкѣ. Это божественное изслѣдовать психологически онъ предоставилъ другимъ философамъ, и мы видимъ, что у Платона оно лежитъ въ основаніи теоріи идей; самъ же не искалъ его ни въ комъ и не разсматривалъ вообще, а замѣчалъ только въ себѣ и называлъ τὸ δαιμόνιον. Впрочемъ изъ частныхъ признаковъ Сократова генія, разсѣянныхъ въ различныхъ разговорахъ Платона, можно составить о немъ и общее понятіе. Подъ словомъ τὸ δαιμόνιον, или δαιμόνιον τι, сынъ Софрониска разумѣлъ, кажется, божественную стихію человѣческой души, небесное сокровище нашего бытія, единственный источникъ всего истиннаго, добраго и прекраснаго въ области наукъ, искусствъ и жизни практической. На такое по крайней мѣрѣ значеніе Сократова генія указываютъ, между прочимъ, нѣкоторыя перифрастическія выраженія Платона, Ксенофонта и Аристотеля. Напримѣръ, ὡς δὴ τι — μαντικὸν γέ τι καὶ ἡ ψυχὴ (*Plat. Phaedr.* 242 C.); Ἀλλὰ μὴν καὶ ἀνθρώπων γε ψυχῇ, εἴπερ τι καὶ ἄλλο τῶν ἀνθρώπων, τοῦ θεοῦ μετέχει. (*Xenoph. mem. Socr.* IV. 3. § 14); Σωκράτης δ' ἠγεῖτο πάντα μὲν θεοῦς εἰδέναι καὶ σημαίνειν τοῖς ἀνθρώποις περὶ τῶν ἀνθρώπων πάντων (*Xenoph. mem. Socr.* I, 1. 19); οἶον, ὅτι τὸ δαιμόνιον οὐδὲν ἐστίν, ἀλλ' ἡ θεὸς ἢ θεοῦ ἔργον (*Arist. Rhetor.* II. 23. § 8); et al. И могли ли Сократъ эту идею, или лучше сказать, это убѣжденіе сердца выразить иначе, когда чувствовалъ во глубинѣ своего духа нѣчто божественное и въ то же время ясно сознавалъ, что его божественное не есть Богъ? Правда, въ одномъ мѣстѣ Ксенофоновыхъ Записокъ (I. 4 §. 19) τὸ δαιμόνιον замѣнено словомъ τὸ θεῖον, которое послѣ въ томъ же значеніи употреблялъ и мѣръ христіанскій; но извѣстно, что Греки,

любившіе все осуществлять, вскорѣ и прилагательное τὸ θεῖον начали принимать въ смыслѣ имени существительнаго.

Доказавъ судьямъ свою невинность и несправедливость сдѣланныхъ на него доносовъ, то-есть, объяснивъ, что онъ велъ себя законно, и какъ философъ, и какъ собесѣдникъ аѳинскаго юношества, Сократъ далѣе разсматриваетъ свою жизнь въ сферѣ болѣе общей, въ кругу обязанностей гражданина (р. 28 В.—34 В.). Эта часть Апологіи изображаетъ намъ Сократа уже не отвѣтчикомъ, а поборникомъ за честь отечества и героемъ правды, который поставляется въ необходимость переступить за черту скромности, свойственной безкорыстію, молчаливости и терпѣнію, и высказать всю важность своего служенія для пользы государственной. Мы видимъ здѣсь сына Софронискова на такой точкѣ стоянія, съ которой великіе люди смотрятъ не на земной свой интересъ, не на ограниченныя условія политическаго своего значенія, а на связь гражданскихъ своихъ обязанностей съ судьбами небесными, на гармонію настоящихъ подвиговъ съ посмертными наградами. Такая точка стоянія опредѣляется: 1) взглядомъ Сократа на смерть, которая, по его убѣжденію, ничего не значить, въ сравненіи съ яснымъ сознаніемъ воли Божіей, и не должна препятствовать намъ исполнять ее; ибо мы еще не знаемъ, что такое смерть,—добро или зло, а въ святости истиннаго и честнаго совершенно увѣрены; 2) понятіемъ Сократа о значеніи своей дѣятельности въ обществѣ, для котораго она есть благо едвали замѣнимое; ибо сынъ Софрониска, по волѣ Божіей, въ республикѣ — тоже, что оводъ на конѣ, чтобы послѣдній не дремалъ и былъ поворотливѣе. Но почему Сократъ, для той же цѣли, не несъ обязанностей общественныхъ, а давалъ наставленія и совѣты въ качествѣ частнаго человѣка? Потому, отвѣчаетъ онъ, что гражданинъ, рѣшившійся дѣлать угодное Богу, не станетъ потакать людямъ, когда они поступаютъ несправедливо; а не потакая людямъ, онъ погибнетъ на поприщѣ общественной службы, слѣдовательно не принесетъ отечеству ни-

какой пользы. Очевидно, что аѳинскій правоучитель мѣтитъ здѣсь на жестокости недавно изгнанныхъ изъ республики олигарховъ и на необузданное своеволие аѳинскаго народа подъ покровительствомъ демократическихъ формъ правленія.

Въ заключеніе первой рѣчи (р. 34. С.—32. D.) Сократъ объясняетъ, для чего онъ, оправдываясь предъ судьями, дѣйствуетъ только на ихъ умъ — доказательствами, а не старается тронуть ихъ сердца слезами, изображеніемъ жалкаго состоянія остающагося семейства, воплями жены и дѣтей и другими драматическими средствами. Человѣку, дожившему до такихъ лѣтъ, и снискавшему такое имя, говоритъ онъ, неприлично позволять себѣ подобныя мѣры; да онѣ и никому не должны быть позволяемы, потому что насилуютъ судей и заставляютъ ихъ нарушать законы.

Выслушавъ оправданіе обвиняемаго, члены собранія, по предписанію законовъ, обязаны были подавать мнѣнія, чтобы большинствомъ ихъ, или освободить подсудимаго, или признать его виновнымъ. Если онъ признаваемъ былъ виновнымъ; то надлежало еще рассмотреть, вина его подходит ли подъ какое-нибудь наказаніе, опредѣляемое самымъ закономъ, или штрафъ за нее долженъ быть постановленъ мнѣніями судей. Въ первомъ случаѣ она называлась *ἀτιμίτων*, во второмъ *τιμῶν*. Враги Сократа представляли его вину въ такомъ видѣ, какъ бы она была *ἀτιμίτων*, и потому доносъ ихъ назывался *γραφῆ* и заключался смертнымъ приговоромъ. Но судьи, выслушавъ Аполлогію сына Софронискова, отнесли его преступленіе, какъ видно, къ роду тѣхъ, для которыхъ еще нѣтъ опредѣленной казни; а въ этомъ случаѣ виновному позволялось напередъ присудить самаго себя (*ἀντιτιμᾶσθαι*) къ такому штрафу, какой, по его сознанию, былъ бы сообразенъ съ важностію дѣла. Послѣ того снова подавали мнѣнія, должно ли согласиться на избранное имъ наказаніе, или надобно подвергнуть его тому, которое предположено истцами, либо доносчиками. На основаніи этихъ послѣднихъ остракизовъ, судъ произносилъ уже приговоръ окончательный.

По такому ходу судопроизводства, не только вся Апологія Сократа, какъ выше сказано, дѣлится на рѣчи, но и послѣдняя рѣчь подраздѣляется опять на двѣ части, изъ которыхъ въ первой (р. 35. E.—38. B.) Сократъ назначаетъ себѣ приличное воздаяніе за свою жизнь и дѣятельность, а во второй (р. 38. C.—41. D) высказываетъ Аѳинянамъ предсмертныя свои мысли объ ихъ приговорѣ и чувствованія въ отношеніи къ своимъ врагамъ и доброжелателямъ.

Первая часть начинается удивленіемъ Сократа, что большинство голосовъ, признавшихъ его виновнымъ, оказалось такъ невелико. Но если Мелитъ и Анитъ еще прежде, подтверждая свои доносы рѣчами, требовали его смерти; то къ чему теперь долженъ присудить себя самъ онъ? Основываясь на важности своихъ заслугъ, объясненныхъ въ прежней рѣчи, сынъ Софрониска могъ бы присудить себя къ содержанію на счетъ общества, или къ почетному столу въ Пританіонѣ¹. Но такъ какъ дѣло было уже кончено, и виновнаго не награждаютъ; то Сократъ, перебирая различные роды наказаній, наконецъ останавливается на денсжной пѣнѣ. Я хотѣе всего, говоритъ онъ, заплатилъ бы деньги, потому что такой потери не считаю потерею; да у меня нѣтъ ихъ, кромѣ одной мины серебра (р. 22 р. 75 к. сер.). Вотъ нѣкоторые изъ моихъ друзей вызываются внести тридцать минъ: возьмите, если угодно.

Во второй части Сократъ сперва обращается къ тѣмъ со-

¹ Это мнѣніе, послѣ того, какъ онъ объявленъ былъ виновнымъ, не есть ли шутка надъ судебнымъ опредѣленіемъ? Нѣтъ, контекстъ Сократовой рѣчи указываетъ, по видимому, на иную цѣль сказанныхъ словъ. Можно догадываться, что во времена Платона Пританіонъ питалъ не столько знаменитыхъ старцевъ, которые всю свою жизнь провели въ непрестанныхъ трудахъ для существенныхъ пользъ отечества, которыхъ доблести были опорами его славы, могущества, величія и образованности, сколько людей, умѣвшихъ удовлетворять современному вкусу къ удовольствіямъ и зрѣлищамъ. Въ немъ находили себѣ пищу, кажется, преимущественно атлеты, а не труженики, герои общественныхъ игръ, а не слуги государства. Потому-то Сократъ и сравниваетъ себя съ ними. Если то-есть и эта мнимая честь общества получаетъ отъ него содержаніе; то я имѣю большее право на подобное выраженіе признательности.

гражданамъ, которые, не смотря на глубокую его старость, присудили ему умереть, и говорить, что они только подвергли себя нареканію со стороны своихъ недоброжелателей, а обреченный на смерть принимаетъ свой жребій не отъ слабости оправданія, но отъ недостатка дерзости льстить страстямъ народа и позволять себѣ всякія средства къ спасенію. Потомъ сынъ Софрониска предсказываетъ, что должно произойти въ Аѣинахъ послѣ его смерти. Вы не хотѣли, говорить онъ, на вопросъ старика, давать себѣ отчетъ въ своей жизни: такъ придетъ время, что этого отчета потребуютъ отъ васъ люди молодые, которыхъ я удерживалъ. Страхъ и смерть суть плохіе способы для обузданія умовъ; одна справедливость и честность можетъ обуздать ихъ. Наконецъ Сократъ обращается къ тѣмъ, которые подавали мнѣнія въ его пользу и увѣряетъ ихъ, что смерть для него — не зло, а добро. Поймете ли вы ее, какъ уничтоженіе, говоритъ онъ? — такъ это будетъ самый спокойный сонъ. Покажется ли она вамъ переходомъ въ другую жизнь? — такъ лучше этого и представить ничего нельзя. Посему и вы не бойтесь смерти, помня, «что для человѣка добраго нѣтъ зла ни въ жизни, ни за гробомъ, и что о его обстоятельствахъ не нерадятъ боги».

Въ заключеніе Сократъ проситъ враговъ своихъ точно такъ же мучить дѣтей его, какъ онъ мучилъ ихъ самихъ; то есть, когда дѣти его станутъ думать, будто что-нибудь знаютъ, пусть Аѣиняне постараются обличить ихъ въ незнаніи.

Изложивъ содержаніе и ходъ Сократовой Аполוגіи, мы еще не разрѣшили всѣхъ недоумѣній критики касательно разсматриваемаго сочиненія. Ученые имѣютъ нѣкоторыя причины сомнѣваться, Платономъ ли написана эта Аполוגія: да пусть, говорятъ, и Платономъ; все еще не извѣстно, почитать ли ее спискомъ съ Аполוגіи, произнесенной самимъ Сократомъ, или она есть свободное произведеніе ума Платонова?

Вникая въ духъ и внутренній характеръ разсматриваемаго сочиненія, нельзя не замѣтить, что въ немъ Сократъ не походитъ на того Сократа, который бесѣдуетъ съ аѣинскимъ юношествомъ и софистами въ разговорахъ Платона. Здѣсь нѣтъ ни обыкновенной его ироніи, ни скромнаго мнѣнія о самомъ себѣ; напротивъ здѣсь всякій видитъ сына Софронискова старцемъ серьезнымъ, строгимъ, прямымъ и какъ будто стоящимъ выше условій общества. Онъ смѣло опирается на авторитетъ Аполлона, съ самоувѣренностію опредѣляетъ важность своего служенія отечеству, не устрашимо говоритъ о невѣжествѣ тогдашнихъ мудрецовъ и откровенно высказываетъ непризнательность къ себѣ гражданъ за все, что было дѣлано имъ въ пользу республики. Такой тонъ Сократовой рѣчи конечно можетъ приводить къ сомнѣнію въ подлинности Апологіи, приписываемой Платону. Но должно взять въ расчетъ всѣ обстоятельства, въ которыхъ аѣинскій правоучитель защищалъ свое дѣло. Во-первыхъ, онъ никогда до этого времени не объяснялся, какъ говорятъ, официально, слѣдовательно и не имѣлъ надобности перемѣнять характеръ своихъ бесѣдъ: а теперь ему надлежало повѣрять свои дѣйствія гражданскими законами и оправдываться формально, какъ обвиняемому въ уголовномъ преступленіи; теперь было не только не до ироніи, которая въ подобныхъ случаяхъ не принимается и отъ шутовъ, но и не до скромнаго мнѣнія о самомъ себѣ; потому что оно ввело бы въ обманъ судей и безпристрастныхъ, заставляя ихъ наказывать человѣка, можетъ быть, стоящаго награды. Во-вторыхъ, судейская каѣдра для Сократа въ самомъ дѣлѣ долженствовала быть мѣстомъ разоблаченія его предъ свѣтомъ; потому что служила ему переходомъ изъ настоящей жизни въ будущую. Сограждане, да и самые друзья сына Софронискова, сколько видно изъ мыслей ихъ въ Критонѣ и Федонѣ, не совсѣмъ вѣрно понимали важность и цѣль его дѣятельности. По этому въ Апологіи онъ какъ бы разрѣшаетъ загадку о самомъ себѣ и показываетъ слуша-

телямъ, что значили философскія его усилія и каковы предсмертныя его надежды. Послѣ этого неудивительно, что когда Лизіасъ, знаменитый аѳинскій ораторъ, за нѣсколько дней до того времени, въ которое Сократу надлежало защищать себя въ судѣ, принесъ ему собственную рѣчь и совѣтовалъ воспользоваться ею, Сократъ прочиталъ ее и призналъ для себя унижительною ¹. То-есть, онъ собирался не ораторствовать, не ослѣплять и не умолять судей, а объяснить, что такое была его дѣятельность въ нѣдрѣхъ гражданского общества. Неудивительно также и свидѣтельство Ксенофонта ², что многие, писавшіе объ оправданіи Сократа, единодушно трафили на его велерѣчивость: такого именно слова и надлежало ожидать отъ мудраго семидесятилѣтняго старца, говорившаго народу едва не изъ за-предѣловъ настоящей жизни. Итакъ приведенныя основанія подложности разсматриваемаго сочиненія кажутся мнѣ весьма недостаточными.

Нельзя равнымъ образомъ предполагать, что Апологію Сократа Платонъ, по своему обыкновенію, долженъ былъ изложить непременно въ формѣ разговорной. Мы видимъ, что непрерывное слово нерѣдко находило себѣ мѣсто и въ другихъ его твореніяхъ. Напримѣръ, въ Федрѣ вводится какъ будто рѣчь Лизіаса, а потомъ другую такую же приносить Сократъ; въ Менексенѣ сынъ Софрониска говоритъ панигирикъ умершимъ за отечество воинамъ. Конечно, тамъ ораторская и разговорная формы часто смѣняются: но и здѣсь легко замѣтить стремленіе Сократа обращаться къ любимому своему діалогизму. Посмотрите, какъ

¹ *Cicer. de Orat.* 1. 54. *Quintil. inst. Orat.* II. 15, 30. nam et Socrates inhonestam sibi credidit orationem, quam ei Lysias reo composuerat. Сравни. *Diog. L.* II. 40. *Menag.* p. 95.

² *Хенорф.* апол. §. 1. γεγραφασι μὲν περὶ τούτου καὶ ἄλλοι, καὶ πάντες ἔτυχον τῆς μεγαληγορίας αὐτοῦ. Древніе упоминаютъ о многихъ апологіяхъ Сократа. Кромѣ дошедшихъ до насъ—Ксенофонтовой, Платоновой и Ливаніевой (*declamat.* 29 p. 636), *Аристотель* упоминаетъ объ апологіи, написанной Теодектомъ (*Rhetor.* II. 23. § 8), *Свида*—объ апологіяхъ Критона, Димитрія Фалерейскаго и Зенона Сидонскаго, *Цицеронъ*—объ апологіи Лизіаса и проч.

ему хочется заставить Мелита бесѣдовать съ собою, и какъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, онъ воображаетъ себѣ собесѣдниковъ, не имѣя ихъ предъ глазами. Притомъ, надобно замѣтить, что Апологія есть сочиненіе не только философское, но и принаровленное къ случаю; слѣдовательно случаемъ должна была, хотя отчасти, опредѣляться и его форма.

Астъ утверждаетъ еще, что Платонъ и вовсе не могъ писать Апологію, не противорѣча самому себѣ въ Горгіасѣ (р. 521. sqq.), гдѣ онъ рассуждаетъ слѣдующимъ образомъ: оправданіе для виновнаго вредно, ибо заставляетъ думать, что не даромъ же стараются оправдывать его; а для невиннаго излишне, потому что невинный оправдывается самою истиною. Но почтенный критикъ не замѣтилъ, какимъ образомъ эта же мысль поддерживается и объясняется въ Апологіи. Сократъ говоритъ (р. 35. В. С.): «мнѣ кажется несправедливо — какъ просить судью, такъ чрезъ просьбу и избѣгать приговора: для этого требуются объясненія и доказательства. Вѣдь судья сидитъ не для того, чтобы дарить правду, а для того, чтобы изслѣдывать ее: онъ и клялся не дарить ея, кому вздумается, но судить по законамъ. Итакъ надобно, чтобы и мы не пріучали васъ нарушать клятву, и вы не привыкали нарушать ее». Явно, что этими словами доказывается также несовмѣстность апологій съ истиною, — но какихъ апологій? — такихъ, которыя имѣютъ въ виду умиловить судей и заставить ихъ забыть о точномъ предписаніи закона, а не такихъ, какова Апологія Сократа.

Впрочемъ, наводить сомнѣніе на подлинность разсматриваемаго сочиненія и вообще невозможно, — не только потому, что оно защищается знаменитыми филологами новѣйшихъ временъ, на примѣръ Тиршемъ ¹, Кёнигомъ ², Зохе-

¹ Annal. Liter. Vindobon. 1819. part. III.

² In scriptione scholastica 1822. Misenaë edita.

ромъ ¹, Шлейермахеромъ ², Штальбомомъ ³, и другими, которые ни въ содержаніи, ни въ языкѣ его не находятъ ничего, чуждаго лицу Сократа и господствующему характеру Платоновыхъ твореній,—но и потому, что за нее стоитъ почти вся ученая древность ⁴; ибо многія мѣста этой Аполוגіи приводятся Цицерономъ, Діонисіемъ Галикарнасскимъ, Плутархомъ, Аристидомъ, Атенеемъ, Стобеемъ и проч. ⁵ и постоянно приписываются ими Платону; да и Аристотель въ своемъ *Rhetor.* III. 18. указываетъ очевидно на это самое сочиненіе. Сравни. р. 27. В. С.

Но когда Платонъ написалъ Аполוגію Сократа? прежде ли того времени, въ которое учитель его защищалъ себя противъ доносовъ Мелита и Анита, или послѣ? Припомнивъ свидѣтельство Діогена Лаерція, что Платону хотѣлось публично доказать невинность сына Софронискова, но что судіи запретили ему, (см. жизнь Плат. стр. 4), можно придти къ вопросу: не это ли самое сочиненіе предполагалъ онъ произнести съ судейской каѳедры?—Не имѣя достаточной причины подвергать сомнѣнію вѣрность Діогенова показанія, мы однакожь отнюдь не думаемъ, что преднаписанная Платономъ защитительная рѣчь была не что иное, какъ дошедшая до насъ подъ его именемъ Аполוגія Сократа; потому что въ послѣдней изображается самый ходъ судопроизводства и указывается на окончательный приговоръ судей, по которому обвиненный долженъ былъ умереть; а этого не могъ предварительно знать не только Платонъ, но и Сократъ. Итакъ разсматриваемое сочиненіе написано, или по заключеніи Сократа въ темницу, или вскорѣ послѣ его смерти. Но допустивъ, что Платонъ написалъ свою Апо-

¹ De vita et scriptis Platonis p. 69. sqq.

² Platons Werke T. I. P. II. p. 181. sqq.

³ Præfat. ad apol. p. 4. 5.

⁴ Надобно исключить Кассія Севера (in *Senec. excerptt. controuv.* III. p. 397.), который сказалъ: *eloquentissimi viri Platonis oratio, quæ pro Socrate scripta est, nec patrono nec reo digna est.*

⁵ Въ такіа мѣста указываются Фишеромъ (ad *Apol. Socr.* p. 66).

логию по окончаніи судопроизводства надъ Сократомъ, странно было бы почитать ее свободнымъ произведеніемъ ума Платонова; ибо для какой цѣли ораторъ сталъ бы измышлять собственныя свои доказательства и навязывать ихъ Сократу, если послѣдній оправдывалъ себя совсѣмъ иначе, и если въ памяти Аѳинянъ еще живо сохранились всѣ мысли защитительной его рѣчи? Апологія, какъ свободное произведеніе Платона послѣ смерти его учителя, не послужила ли бы скорѣе въ укоръ самому учителю, что онъ не умѣлъ выиграть свое дѣло? По этому мы думаемъ, что это сочиненіе принадлежитъ Платону, какъ мимику, или и того болѣе,—какъ писателю, близко и вѣрно изложившему ту самую рѣчь, которою дѣйствительно оправдывалъ себя Сократъ, и которую ученикъ его пожелалъ сберечь для потомства, какъ неоспоримый документъ Сократовой невинности и ясную улику Аѳинянъ въ несправедливомъ рѣшеніи Сократова дѣла. Этого же мнѣнія держится и Шлейермахеръ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩИЯ:

СОКРАТЬ И МЕЛИТЬ.

17. Не знаю, Аѳиняне, какое впечатлѣніе сдѣлали на васъ мои обвинители; а я и самъ отъ нихъ едва не забылся ¹: такъ убѣдительно были рѣчи ихъ! — хотя правды-то въ этихъ рѣчахъ, можно сказать, нисколько. Но изъ многихъ, взнесенныхъ моими обвинителями навѣтовъ, особенно изумилъ меня тотъ, что они совѣтовали вамъ остерегаться, какъ бы не обмануло васъ сильное будто бы мое краснорѣчіе; потому что не краснѣя говорить такую ложь, въ которой я тотчасъ же могу обличить ихъ предъ вами, доказавъ самымъ дѣломъ, что у меня нисколько нѣтъ краснорѣчія, по моему мнѣнію, есть величайшее безстыдство. Развѣ человѣкомъ краснорѣчивымъ называютъ они того, кто говоритъ истину? Если эта мысль ихъ; то я конечно могъ бы назвать себя риторомъ, — и не такимъ какъ они: потому что они, какъ сказано, вовсе не говорили правды ²; а отъ меня вы услышите совершенную истину. Но вы, Аѳиняне, клянусь Зевсомъ, не услышите рѣчи расцвѣченной и разукрашенной

¹ То-есть, едва не забылъ себя, едва не забылъ, что я дѣйствительно не таковъ, какимъ они описывали меня. Въ этомъ же смыслѣ *λανθάνομαι* и въ Федръ р. 228. А. *ἐὶ ἐγὼ Φαίδρον ἀγνοῶ, καὶ ἑμαυτοῦ ἐπιλέλησμαι.*

² *Вовсе не говорили правды, ἢ τί ἢ οὐδὲν ἀληθὲς εἰρήκασι.* Эта формула заключаетъ въ себѣ понятие совершеннаго отрицанія. См. *Valckenār. ad Herod. III. 149.* Онъ сноситъ выраженія Ксенофонта (Сугор. VII. 5. 45). *τούτων τῶν περιεττηκότων ἢ τινα ἢ οὐδένα οἶδα,* и Эліана (*de nat. anim. VI. 50*) *ἴσασι Αἰγυπτίων ἢ τις ἢ οὐδεὶς* (VII. 8.), *θαυμάζει τις ἢ οὐδεὶς.* См. *Matth. Gr. § 487. 8.* Грамматики, не понявъ силы и значенія этой формулы, слова *ἢ τί ἢ* во многихъ спискахъ признали излишними и изгнали изъ текста. Эта формула вводила критиковъ въ обманъ и при объясненіи мѣста *de Rep. VI. p. 496. C.*

сентенціями и именами ¹, каковы рѣчи моихъ обвинителей: С. я стану объясняться вдругъ, первыми представляющимися мнѣ словами; ибо увѣренъ, что стану говорить справедливо, — иного ничего не ожидайте отъ меня. Да и не прилично вѣдь было бы мнѣ, граждане, представъ предъ васъ въ такихъ лѣтахъ, наряжать свою рѣчь съ заботливостію юноши ². Напротивъ ³, я прошу и молю ⁴ васъ, Аѳиняне, о томъ, чтобы вы не удивлялись и не изъясняли негодованія, если буду защищать себя такимъ же языкомъ, какимъ въ слухъ многихъ изъ васъ говаривалъ на площади — при столахъ мѣновщиковъ ⁵ и въ другихъ мѣстахъ. Дѣло таково, что имѣя болѣе семидесяти лѣтъ отъ роду ⁶, я нынѣ въ первый разъ явился

¹ *Рѣчи, расцвѣченной и разукрашенной сентенціями и именами, κεκαλλιεπημένους λόγους—ρήμασι τε καὶ ὀνόμασιν, οὐδὲ κεκοσμημένους. Καλλιπεῖν, по Валькенару (diatrib. p. 291. sqq.) значить: uti oratione venusta et eleganti, eleganter dicere. Слѣдовательно λόγοι κεκαλλιεπημένοι ῥήμασι τε καὶ ὀνόμασι суть рѣчи расцвѣченные сентенціями и именами; потому что ῥήματα суть мысли, выраженные словами, а ὀνόματα — самые слова. Theaet. 190. E. и прим. Гейнд. къ этому мѣсту. Λόγοι κεκοσμημένοι суть рѣчи, вообще богаты тропами и фигурами; такъ какъ въ нихъ собственно состоитъ κόσμος, или ornatus orationis.*

² *Наряжать свою рѣчь съ заботливостію юноши, ὡς περ μισρακίῳ πλάττοντι λόγους. Фраза πλάττειν λόγους прекрасно выражаетъ усиліе дитяти подбирать, соединять, или какъ бы смазывать слова, по требованію внѣшнихъ формъ, предписываемыхъ риторикою, при недостаткѣ мысли, которая бы сама собою сообщала имъ связность. Τί λόγους πλάττεις; говоритъ Демосѳенъ de coron. p. 268. См. Ernesti Lex. techn. gr. Rhetor. p. 267. sqq., гдѣ объясняются слова πλάσις и πλάσμα.*

³ *Напротивъ, καὶ μέντοι. Частица μέντοι весьма часто выражаетъ противоположеніе; на прим. Aristoph. Ran. v. 61. οὐκ ἔχω φράσαι ὅμως γε μέντοι σοὶ δι' αἰνιγμάτων ἔρω.*

⁴ *Прошу и умоляю, δεῖραι καὶ παρίεμαι. Въ нѣкоторыхъ кодексахъ παρίεμαι признано за глоссеу и замѣнено словомъ παραϊτοῦμαι. Но Рункеній правильно замѣчаетъ, что значеніе слова παρίεμαι объясняется значеніемъ среднихъ залоговъ. ἴημι и ἐφήμι значить отпускаю (mitto); но ἔεμαι и ἐφέμαι значить хочу, чтобы мнѣ отпустили, то-есть, желаю, прошу.*

⁵ *При столахъ мѣновщиковъ. Погречески просто — ἐπὶ τῶν τραπέζων; но тутъ разумѣются столы мѣновщиковъ, стоявшіе обыкновенно на площади. Слово αἱ τράπεζαι подобнымъ образомъ употребляются Demosth. T. 11. p: 470, 471. 946. Isocr. p. 449. 450. 704. Отсюда οἱ τραπέζιται суть мѣновщики, или mensarii.*

⁶ *Болѣе семидесяти лѣтъ отъ роду, ἔτη γεγονῶς πλείω ἑβδομήκοντα* Иоаннъ Серрскій переводить: annos plus sexaginta natus, какъ бы стояло πλείω

въ судъ, и по тому вовсе незнакомъ съ здѣшнимъ нарѣчіемъ. Слѣдовательно, какъ тогда, когда я былъ бы въ самомъ дѣлѣ чужеземецъ, вы позволили бы мнѣ говорить на томъ нарѣчїи и тѣми оборотами, которые сродны съ моимъ воспитаніемъ: такъ и теперь, сколько мнѣ по крайней мѣрѣ 18. кажется, я имѣю право просить васъ, чтобы вы оставили мой образъ выраженій—худъ ли онъ будетъ, или хорошъ,—а смотрѣли и обращали свое вниманіе только на то, правду ли я говорю, или нѣтъ; ибо добродѣтель судьи—видѣть истину, а риторика—говорить ее!

Но защищая себя, Аѣиняне, я считаю справедливымъ говорить сперва противъ прежнихъ, ложно дѣланныхъ на меня доносовъ, и прежнихъ доносителей, а потомъ противъ послѣднихъ; потому что многіе и уже давно, за нѣсколько лѣтъ обвиняли меня предъ вами, но никто не говорилъ правды. Прежнихъ обвинителей я боюсь болѣе, чѣмъ Анита съ его сообщниками ¹. Страшны конечно и эти,—но тѣ страшнѣе ²; потому что многихъ изъ васъ они предубѣдили еще во время вашего дѣтства и обвиняли меня вовсе несправедливо: есть-де нѣкто Сократъ, *человѣкъ мудрый, который умствуеетъ о высреннемъ, испытываетъ все подземное и* 19. *причины низшїя превращаетъ въ высшїя* ³. Распространи-

ἐξήκοντα, основываясь вѣроятно на ссылкѣ Діогена Лаерція II. 4. 5. Но см. Criton. p. 72. E. *Maxim. Tyr.* 39. p. 412. *Diog. L.* 11. 44. *ibique Menag.*

¹ Разумѣются Медитъ и Ликонъ. Сократъ указываетъ на Анита, какъ на главнаго своего врага; потому что послѣдній пользовался особенною довѣренностію народа и заслужилъ ее ненавистію къ тридцати тираннамъ. *Xenoph.* Hellen. 11. 3. 42.

² Критики Платона напрасно думаютъ, что Сократъ разумѣетъ здѣсь однихъ комиковъ, которые дѣлали его предметомъ своихъ эпиграмъ и выставляли въ каррикатурномъ видѣ на сценѣ театра. Изъ всего хода рѣчи видно, что апологистъ указываетъ на общее мнѣніе народа о сынѣ Софрониска, представлявшее комикамъ только случай и возможность посмѣяться надъ нимъ. Сколь ни необузданно было своеволие Аѣинянъ во время Платона, но едва ли можно допустить, чтобы Аристофанъ, Амипсіасъ, Эвполисъ и другіе осмѣлились публично трогать личность гражданина, если бы не опирались на общее о немъ мнѣніе.

³ Таково было общее мнѣніе о Сократѣ! Оно составилось вѣроятно еще тогда, когда сынъ Софрониска находился въ молодыхъ лѣтахъ и занимался

потому что вы сами слушали ихъ обвиненія прежде и чаще, нежели послѣднихъ.

Итакъ, надобно защищаться, Аѳиняне, и рѣшиться въ столь короткое время изгладить¹ въ умахъ вашихъ ту клевету, которую вы уже такъ долго носите. Хотѣлось бы успѣть въ этомъ, если мое оправданіе можетъ послужить въ пользу вамъ и мнѣ, и принести нѣчто болѣе: но это, думаю, трудно, — даже представляется невозможнымъ. Впрочемъ пусть будетъ такъ, какъ угодно Богу: мое дѣло — повиноваться закону и оправдываться.

Возьмемъ же сначала: въ чемъ состоитъ то обвиненіе, изъ котораго вышла направленная противъ меня клевета, и которому вѣря, Мелить сдѣлалъ на меня такой доносъ? Посмотримъ, что-то говорятъ мои клеветники. Надобно прочитать извѣтъ ихъ въ такомъ видѣ, въ какомъ скрѣпленъ онъ присягой: *Сократъ дѣйствуетъ преступно и хочетъ много знать, изслѣдывая подземное и наднебесное, причины низшія превращая въ высшія и тому же учи другихъ*. Вотъ обвиненіе! Это видѣли вы и сами въ комедіи Аристофановой², въ которой какой-то Сократъ, качаясь въ

¹ ἐπιχειρητέον ἐξελεῖσθαι τὴν διαβολήν. Выразить поруски неокончательное ἐξελεῖσθαι очень трудно; между тѣмъ эта форма среднего залого даетъ рѣчи замѣчательный отгѣнокъ. Сократъ, по скромности, не берется изгладить, ἐξελεῖν, въ душахъ слушателей худое о себѣ мнѣніе, а только хочетъ стараться, чтобъ оно изгладилось, non evetlere instituit, sed evelli vult, aut evellendum nititur.

² Указывается на Аристофановы Облака, и при томъ на первое изданіе ихъ, вышедшее 1. 89. Олимп. слѣдовательно за 24 года до смерти Сократа. Штальбомъ замѣчаетъ, что въ первомъ изданіи корзина представлена была вѣроятно движущеюся въ воздухѣ, περιγερόμενον, и потому Сократъ на вопросъ Стрепсиада, τί ὄρα, отвѣчалъ: ἠεροβιτῶν: напротивъ въ дошедшемъ до насъ вовсе не упоминается о ея движеніи, а только спрашивается (σ 218 — 225): что это за человекъ въ корзинѣ?—Но Сократъ въ своей Апологіи могъ сказать περιγερόμενον, хотя бы въ комедіи и не упоминалось о движеніи корзины; потому что ея движеніе на сценѣ было ясно уже и для глазъ, слѣдовательно не требовало объясненія словеснаго. Впрочемъ, говоря объ Аристофановыхъ Облакахъ, Сократъ не укоряетъ Аристофана, который тогда уже примирился съ нимъ, а только объясняетъ, какъ давно распространилось въ народѣ невыгодное мнѣніе о сынѣ Софрониска. См. мое введеніе въ Эвтид. Плат. стр. 157 сл.

висячей корзины, выдавалъ себя за воздухоплавателя и на- сказалъ много другихъ недѣлностей, какихъ у меня и въ го- ловѣ не было ¹. Впрочемъ я говорю это не съ тѣмъ, чтобы унижать столь важное искусство, если кто-нибудь знаетъ его.—Какъ бы Мелитъ не вмѣнилъ мнѣ въ вину этихъ словъ моихъ. Я только утверждаю, Афиняне, что ничему подобно- му непричастенъ: свидѣтельствуюсь многими изъ васъ. Же- D. лательно, чтобы тѣ, которые когда-нибудь слышали мои раз- говоры—а между вами такихъ не мало—пораспросили другъ друга и сказали. Пораспроситесь же,—слыхалъ ли отъ меня кто изъ васъ хоть что-нибудь о такихъ предметахъ. От- сюда узнаете вы достовѣрность и другихъ обвиненій, ко- торымъ многіе подвергаютъ меня. Но и этого нѣтъ, и то несправедливо, будто я, если вы слышали отъ кого, берусь E. учить людей и требую платы ². Впрочемъ и то-таки сказать: —дѣло прекрасное, когда бы кто могъ преподавать уроки людямъ, какъ Горгіасъ леонтинскій, Продикъ хіоскій и Ип- піасъ элейскій ³. Каждый изъ нихъ, граждане, въ состоя- ніи идти изъ города въ городъ и убѣждать юношей, кото- рымъ ничто не мѣшаетъ безмездно пользоваться наставле-

¹ ὅν ἐγὼ οὐδὲν οὔτε μέγα οὔτε μικρὸν περὶ ἐπαίω. Выраженіе οὔτε μέγα οὔτε- μικρὸν имѣетъ значеніе поговорки и равносильно ἢ τι ἢ οὐδέν (см. выше р. 17. В.) то-есть, означаетъ совершенное отрицаніе. Berglerus ad Alciphron. p. 353. Herm. ad viger. p. 270, 78.

² Что въ народѣ существовало такое мнѣніе о Сократѣ, видно изъ Ари- стофановой комедіи Облака γ. 98—104. Но что онъ никогда не бралъ денегъ за свои наставленія, см. Xenoph. Mem. 1. 2. 70. Сравн. Plat. Hipp. mai. p. 300. D. Euthyphr. p. 3. D. Spanhem. ad Aristoph, l. c.

³ О Горгіасѣ и Иппіасѣ сказано въ введеніяхъ къ разговорамъ Платона подъ этими именами; а о Продикѣ хіоскомъ было говорено уже пре- жде (см. Протаг. pag. 315. С.). Здѣсь вспомнимъ только, что у него на языкѣ всегда была Эпихармова пословица: *рука руку моетъ, ἃ δὲ χεῖρ τὰν χεῖρα νίξει. ὃς τι καὶ λαβέ τι*. См. Aeschin. Socrat. qui fertur, dialog. 111. § 6. О Калліасѣ, афинскомъ богачѣ, къ которому, по свидѣтельству Плу- тарха Т. 1. р. 165, слово πλούσιος прилагалось было, какъ имя собственное, см. Протаг. pag. 311. А. Xenoph. sympos. 1. 5. О фамиліи Калліасовъ и Иппониковъ см. Gronov. Observ. IV. 7. Perizon. ad Aelian. V. Н. XIV. 16. Heindorf. ad Protag. p. 462. sq. Boeckh. de oeconomia civit. Athen. T. 11. р. 15. sqq.

- ніями любаго изъ своихъ согражданъ, — убѣждать, чтобы
20. они, оставивъ эти наставленія, обратились къ нимъ и заплатили деньги, да еще съ придачею благодарности. Есть здѣсь и другой мудрецъ, прибывшій сюда, какъ мнѣ извѣстно, изъ Пароса. Случайно встрѣтившись съ Калліасомъ, сыномъ Иппоника, который одинъ роздалъ денегъ софистамъ болѣе, чѣмъ всѣ прочіе, взятые вмѣстѣ, я спросилъ его — а у него два сына: — Калліасъ! если бы твои дѣти родились жеребятами, или телятами; то мы могли бы найти и нанять для нихъ наставника, который, будучи самъ
- В. или изъ конюховъ, или изъ земледѣльцевъ, былъ бы въ состояніи доставить имъ приличныя совершенства. Но вотъ они люди: какого же наставника думаешь взять для нихъ? Кто знатокъ такой добродѣтели, то-есть, человѣческой и политической? Имѣя дѣтей, ты вѣроятно размыслилъ объ этомъ. Есть у тебя кто, или нѣтъ? спросилъ я. — Конечно есть, отвѣчалъ онъ. — Кто же онъ? откуда? и за сколько учить? —
- С. Это Эвинъ, изъ Пароса, учить за пять минъ. — Тогда я ублажилъ Эвина, если онъ въ самомъ дѣлѣ обладаетъ такою наукою и преподаетъ ее за столь умѣренную плату ¹. Я и самъ занимался бы и гордился собою, еслибы зналъ это; да не знаю, Аеиняне.

- Но можетъ быть кто изъ васъ спросить: Сократъ! въ чемъ же состоитъ твое знаніе? откуда на тебя эти клеветы? Вѣдь еслибы ты не дѣлалъ ничего особеннаго предъ прочими, — о тебѣ вѣроятно не было бы такихъ рѣчей и толковъ; — да, еслибы не дѣлалъ иного, чѣмъ многіе. Скажи же: что это такое, чтобы намъ не заключить о тебѣ опрометчиво?
- Д. Кто спросилъ бы такъ, тотъ спросилъ бы кстати, — и я постараюсь показать вамъ, что сдѣлало мнѣ имя и навлекло

¹ Пять минъ (175 р. 75 к. сереб.), которыя Эвинъ бралъ за свои уроки, есть цѣна въ самомъ дѣлѣ умѣренная въ сравненіи со ста минами, за которыя учили Протагоръ, Горгіасъ, Продикъ и другіе софисты. Слово *ἐμμελὸς* можно почитать здѣсь равносильнымъ съ нарѣчіемъ «умѣренно»; ибо *ἐμμελὸς* есть то, что не отстуетъ отъ настоящей мѣры, — метафора взята отъ музыкантовъ, когда въ пѣніи они слѣдуютъ одному такту.

на меня клевету. Слушайте. Можетъ быть, инымъ изъ васъ слова мои покажутся шуткою: но знайте, что они будутъ совершенная истина. Я приобрѣлъ это имя, Аѳиняне, не чѣмъ другимъ, какъ нѣкоторою мудростію; а какую мудростію?—Можетъ быть, человѣческою, если такая есть. Вѣдь я, должно быть, въ самомъ дѣлѣ мудрецъ—по человѣчески; а тѣ, о которыхъ сей-часъ говорилъ, скорѣе мудрецы по какой-нибудь мудрости выше-человѣческой: иначе, не знаю, что и Е. сказать о ней; потому что не разумѣю ея, а кто приписываетъ ее мнѣ, тотъ лжетъ и говоритъ съ цѣлію оклеветать меня. Но не шумите, прошу васъ, Аѳиняне, и не думайте, будто я объявляю вамъ что-нибудь великое. То, что скажу, будетъ не мое слово; нѣтъ, сошлюсь на лицо, пользующееся вашею довѣренностію; представлю вамъ свидѣтелемъ своей мудрости, если какая есть у меня, дельфійскаго бога. Вы вѣдь знаете Херефона ¹: онъ былъ съ дѣтства моимъ ²¹ другомъ и другомъ многихъ изъ васъ; онъ вмѣстѣ съ вами находился въ послѣднемъ бѣгствѣ изъ отечества, и съ вами же возвратился въ него ². Вы знаете также, каковъ былъ Херефонъ, какая горячность обнаруживалась въ его стремленіяхъ къ чему бы то ни было. Вотъ онъ, пришедши нѣкогда въ Дельфы, осмѣлился требовать мнѣнія оракула и—но не шумите, граждане, слыша слова мои,—да, и спросилъ: есть ли кто-нибудь мудрѣе меня? Писіея отвѣчала, что нѣтъ никого ³. Херефонъ уже умеръ; но вмѣсто его, засвидѣтельствуешь вамъ это братъ его ⁴. Смотрите же, къ чему

¹ О пылкомъ и сильномъ характерѣ Херефона. См. *Aristoph. Nubb. v. 104. 501. sq. ibique Scholiast. Avv. 1570. Xenoph. Memor. 11. 3. Conviv. Plat.* введеііе.

² Этимъ указывается на эмиграцію многихъ Аѳинянъ изъ отечества въ правленіе тридцати тиранновъ (См. *Corn. Nep. Trasibul. 1. et Iustin. V. 8*), бывшую не задолго до смерти Сократа.

³ По свидѣтельству Діог. Л. (11. 37), Писіея сказала: ἀνδρῶν πάντων Σωκράτης σοφώτατος. А у Схолиаста ad *Aristoph. Nubb. v. 144.* ея слова читаются такъ: σοφὸς Σοφοκλῆς, σοφώτερος δ' Εὐριπίδης, ἀνδρῶν δὲ πάντων—Σωκράτης σοφώτατος.

⁴ То-есть Херекратъ. См. *Xenoph. Mem. 11. 3.*

- клонится моя рѣчь: я хочу показать вамъ, откуда вышла
- В. на меня клевета. Услышавъ о такомъ отвѣтѣ, я рассуждалъ слѣдующимъ образомъ: чтожъ бы это говоритъ богъ? какая мысль его? Я вѣдь нисколько не сознаю себя мудрецомъ. Что разумѣлъ онъ, называя меня мудрѣйшимъ? Однако богъ не лжетъ же; потому что это ему несвойственно. И долго недоумѣвалъ я касательно этихъ словъ; но потомъ кое-какъ попалъ на слѣдующій способъ изслѣдованія ихъ: я пошелъ къ одному изъ тѣхъ, которые слывуть мудрецами, съ на-
- С. мѣреніемъ, если гдѣ, то здѣсь обличить оракула и его изреченіе, что вотъ онъ мудрѣе, чѣмъ я, а ты назвалъ меня мудрѣйшимъ. Но разсматривая этого человѣка (нѣтъ нужды, Аѳиняне, называть его по имени; довольно, что тотъ, къ кому я обратился для этой цѣли, былъ одинъ изъ политиковъ) и, разговаривая съ нимъ, я замѣтилъ, что онъ многимъ другимъ, особенно же себѣ, кажется мудрецомъ, а на дѣлѣ не мудрецъ. Потомъ я пытался доказать, что онъ
- Д. почитается мудрецомъ, а въ самой вещи не мудрецъ, и чрезъ то сдѣлался ненавистнымъ какъ ему, такъ и многимъ присутствовавшимъ. Возвращаясь отъ него, я рассуждалъ самъ съ собою, что у меня дѣйствительно болѣе мудрости, нежели у этого человѣка: потому что хотя оба мы, должно быть, не знаемъ ничего хорошаго и добраго; но онъ, не зная, почитаетъ себя знающимъ, а я, когда ужъ не знаю, то и не приписываю себѣ знанія. Этимъ то немногимъ я и мудрѣе его, что чего не знаю, о томъ и не думаю, какъ объ извѣстномъ. Отъ него пошелъ я къ другому, которому усвоятъ еще большую мудрость, чѣмъ первому: но все оказы-
- Е. валось одно и то же. Такимъ образомъ я впалъ въ ненависть и у этого, и у многихъ иныхъ. Послѣ того, чувствуя, скорбя и боясь, что навлекъ на себя ненависть, и однакожъ почитая необходимымъ дѣло божіе ставить выше всего, я уже пошелъ попорядку. Чтобы изслѣдовать смыслъ изреченія, надобно идти ко всѣмъ, которые приписываютъ себѣ какое-

нибудь знаніе, и — клянусь собакою ¹, Аѳиняне, — предъ 22. вами должно вѣдь говорить правду, — что именно такъ было со мною: одни, преимущественно пользовавшіеся славою, оказывались почти самыми бѣдными, когда я спрашивалъ ихъ о дѣлѣ божіемъ; другіе, по видимому презрѣнные, являлись людьми для размышленія здраваго способнѣйшими. Но должно изобразить вамъ все свое скитаніе, какъ будто какой подъятый мною трудъ, чтобы при всемъ томъ оракулъ оказался неопровержимымъ. Да, отъ политиковъ я ходилъ къ поэтамъ — и трагическимъ, и диѳирамвическимъ, и другимъ, — съ тою мыслию, что здѣсь-то уже явно останусь невѣжественнѣе, чѣмъ они: бралъ въ руки ихъ стихотворенія, которыя, по видимому, особенно обработаны ими; спрашивалъ, что они говорятъ, желая вмѣстѣ научиться у нихъ чему-нибудь. Но — стыдно, граждане, объявить вамъ правду, а надобно. Могу сказать, что почти всѣ, присутствовавшіе при нашихъ разговорахъ, лучше бы разсуждали о содержаніи сочиненій, написанныхъ тѣми самыми сочинителями. И такъ я вскорѣ узналъ, что и поэты пишутъ, что пишутъ, по внушенію не мудрости, а какого-то естественнаго дара, С. приходя въ энтузіазмъ, какъ прорицатели и предсказыватели. Послѣдніе, хотя говорятъ много хорошаго, однако не знаютъ того, что говорятъ: въ такомъ же состояніи находятся и поэты. При томъ я замѣчалъ, что, обладая даромъ поэзіи, они почитаютъ себя людьми мудрѣйшими и во всемъ другомъ, чего у нихъ не было; поэтому удалился и отъ нихъ, находя въ себѣ такое же преимущество предъ ними,

² О клятвѣ Сократа собакою и другими животными у древнихъ и новѣйшихъ критиковъ были различныя мнѣнія. Всѣ онѣ собраны Менагіемъ (ad. Diog. Laer. 11. 40. p. 92. sq.) Петитъ (miscell. 4. 7.) полагаетъ, что подъ именемъ собаки Сократъ разумѣлъ своего генія; по Камерарію, собака для Сократа была символомъ вѣрности, и клятва ею соотвѣтствовала латинской поговоркѣ *medius fidius*; а Олимпіодоръ въ Сократовой собакѣ видитъ египетское божество (*Aeliani*. V. Н. X. 45). Но я охотнѣе соглашаюсь съ Кирилломъ Александрійскимъ (сонтр. Iulianum 6. p. 190 A), что Сократъ клялся собакою, гусемъ, даже дубомъ — потому, что слѣдую примѣру Радаманта, почиталъ за грѣхъ часто клясться именами боговъ. *Porphyri*. de abstinent. III. 16.

- какое и предъ политиками. Наконецъ я пошелъ къ художни-
- Д. камъ—съ тою увѣренностію, что у меня, просто сказать, нѣтъ никакого знанія, а у нихъ, какъ мнѣ извѣстно было, найду много хорошихъ. Въ этомъ и не обманулся: они дѣйствительно знали то, чего я не зналъ, и въ томъ отношеніи были мудрѣе меня. Но и въ отличныхъ мастерахъ, Аѳиняне, оказалась та же погрѣшность, какая въ поэтахъ: каждый изъ нихъ, ради того, что онъ хорошо владѣетъ своимъ искусствомъ, почиталъ себя человѣкомъ мудрѣйшимъ и въ другихъ дѣлахъ самой великой важности; и такую глупостію помрачалась ихъ мудрость. Поэтому я спросилъ себя именемъ
- Е. оракула, что мнѣ избрать: оставаться ли такимъ, каковъ я теперь, не желая быть ни мудрымъ ихъ мудростію, ни невѣждою—ихъ невѣжествомъ, или пріобрѣсть ту и другую принадлежность ихъ?—и отвѣчалъ самому себѣ и оракулу, что для меня полезнѣе оставаться такимъ, каковъ я теперь. Изъ этихъ то изслѣдованій, Аѳиняне, проистекла ненависть
23. противъ меня, — ненависть жестокая и сильная, бывшая причиною многихъ навѣтовъ и того, что мнѣ даютъ имя мудреца; потому что присутствующіе всякій разъ думаютъ, будто въ чемъ я обличаю другихъ, въ томъ мудрецъ самъ. На дѣлѣ-то вѣдь Аѳиняне, должно быть, мудръ богъ ¹; и его изреченіемъ выражается, что мудрость человѣческая мало-важна, даже ничтожна ². Да это, по видимому, не о Сократѣ и говорится; мое имя имѣетъ въ немъ, кажется значе-
- В. ніе примѣра, какъ бы сказано было: между вами, люди, тотъ мудрѣе всѣхъ, кто, подобно Сократу, сознается, что

¹ τὸ δὲ κινδυνεύει τῷ ὄντι ὁ θεὸς σοφὸς εἶναι. Вмѣсто τὸ δὲ иногда говорится полнѣе τὸ δὲ ἀληθές, de Rep. IV. p. 443. D. τὸ δὲ γε ἀληθές, τοιοῦτον μὲν τι ἦν ἡ δικαιοσύνη. Tim. p. 86. D. τὸ δὲ ἀληθές, ἡ περὶ τὰ ἀφροδίσια ἀκολασία—νόσος ψυχῆς γέγονε.

² ὀλίγη τινὸς καὶ οὐδενός. Здѣсь καὶ предъ οὐδενόςъ поправляетъ и усиливаетъ значеніе ὀλίγη τινόςъ См. Frisch. Quaest. Lucian. p. 11. Такъ надобно переводить и слова Димосѳена (p. 790, 20 et. p. 260. 26): μικρὰ καὶ οὐδέν. Въ такомъ же смыслѣ Римляне употребляли иногда союзъ atque. См. Matth. ad Cicero. 11. Catil. XII. 27. Manil. XVIII. 54.

онъ въ отношеніи къ мудрости дѣйствительно ничего не стоитъ. Такимъ образомъ, и нынѣ еще бродя, я ищу и испытываю дѣло божіе, не почту ли мудрецомъ кого-нибудь изъ Аѳинянъ, либо иностранцевъ, и если не найдется, не докажу ли, въ помощь богу ¹, что мудреца нѣтъ на свѣтѣ. Занимаясь этимъ дѣломъ, я не имѣлъ досуга для исполненія значительныхъ обязанностей и въ обществѣ и въ домѣ, но ради служенія богу, терплю величайшую бѣдность ². Сверхъ того юноши, принадлежащіе къ богатѣйшимъ семей- С. ствамъ и слушающіе меня, когда у нихъ есть свободное время, охотно наблюдаютъ, какъ я испытываю людей, и часто сами, подражая мнѣ, рѣшаются испытывать другихъ. Въ этомъ дѣлѣ они, думаю, встрѣчаютъ столь же много такихъ, которые, приписывая себѣ нѣкоторое знаніе, мало, или даже ничего не знаютъ; отъ того испытываемые ими сердятся—не на нихъ, а на меня, и говорятъ: Сократъ—какой-то сквернитель и развратитель юношества. Если же кто D. спрашиваетъ ихъ: что онъ дѣлаетъ и чему учитъ; то они не въ состояніи отвѣчать, потому что не знаютъ. А чтобы не обнаружить своего незнанія, повторяютъ то, что обыкновенно толкуется противъ всѣхъ философовъ: онъ изслѣдываетъ предметы выпренніе и подземные, не признаетъ боговъ и причины низшія превращаетъ въ высшія. Сказать правду—имъ, думаю, не хочется; потому что тогда открылось бы, что они приписываютъ себѣ знаніе, ничего не зная. А такъ какъ подобные люди, думаю, честолюбивы, горячи E. и многочисленны; такъ какъ о мнѣ говорятъ они дружно и убѣдительно: то своими клеветами давно и сильно накричали

¹ То-есть, не докажу ли, что изреченіе Аполлона справедливо.

² ἐν πενία μισία ἐμί. Между *πενία* и *μισία* такое же различіе, какое между латинскими *paupertas* и *egestas*. *Πενία* бываетъ участію людей рабочихъ, едва достающихъ себѣ насущный хлѣбъ непрерывными трудами; а *μισία* принадлежитъ людямъ, питающимся милостынею. См. *Aristoph. plut.* v. 552. vqq. О томъ, сколь велика была бѣдность Сократа, видно изъ *Xenoph.* Oecon. II. 3. гдѣ самъ онъ говоритъ, что и домъ его, и все въ домѣ можно продать за пять аттическихъ минъ (113 р. 75 к. сер.).

вамъ уши. Изъ ихъ—то числа явились съ доносами на меня— и Мелить, и Анить, и Ликонъ,—Мелить раздосадованный за поэтовъ ¹, Анить—за художниковъ и политиковъ ², а 24. Ликонъ—за риторовъ ³. По этому удивительно было бы, какъ сказано вначалѣ, если бы я успѣлъ въ столь короткое время изгладить въ васъ эту клевету, проявившуюся во

¹ Мелить былъ трагикъ: но такъ какъ музы не очень любили его, то, вмѣсто худыхъ стиховъ, онъ рѣшился написать хорошія правила Пинтики. Хороши ли онѣ были, видно изъ того, что Аристофанъ (Ран. v. 1231.) ставитъ ихъ подъ уровень τῶν Καριῶν ἀλημάτων (карійскихъ пѣсень); а Карійцевъ еще Омиръ называлъ βάρβαροὺς (Piad. XV. 867). Представляя суду доносъ на Сократа, Мелить былъ еще человѣкомъ молодымъ, но уже высоко мечталъ о себѣ (Eûthyphr. p. 2. В. С.); и потому-то, можетъ быть, Сократъ обличаетъ его строже, чѣмъ другихъ. Говорятъ, что онъ находился въ числѣ тѣхъ четырехъ человѣкъ, которымъ тридцать тиранновъ приказали привести въ Аѣны Льва саламинскаго. *Andocides de myster.* p. 46. *Orat. T. IV. ed. Reisk.* Сравн. ниже. p. 32. С.

² Анить, сынъ Анеаміона, *βυρσοδέψης*, или кожевникъ (*Plat. Epist. VII. Socr. p. 30. Scholiast. ad. Plat. Men. p. 90. A.* Сравн. *Xenophont. Apol. 39*), злѣйшій врагъ Сократа; такъ что Горацій (*Satyr. II. 4.*) не безъ причины называетъ послѣдняго *Aniti geum*. Великое богатство его и множество маестностей были причиною того, что тридцать тиранновъ, особенно заботившіеся, какъ извѣстно, о конфискаціи частныхъ имуществъ, изгнали его изъ отечества. За то послѣ онъ усердно помогалъ Тразибулу, возстановителю аѣнской свободы, и этимъ содѣйствіемъ вкравшись въ любовь народа (*Xenoph. Hellen. II. 3 Plat. Epist. VII med.*), исправлялъ значительныя должности въ республикѣ (*Xenoph. Apol. 29*). Такіе успѣхи сильно раздули въ немъ гордость и заставляли его каждый разъ досадовать, когда Сократъ, для объясненія своихъ мыслей, бралъ примѣры съ сапожниковъ, гончаровъ, кожевниковъ и т. п.: за это онъ не только Сократа, но и софистовъ почиталъ язвою общества (*Men. p. 91. A — С.*). Изъ этого видно, что слова «и каждый изъ нихъ, ради того, что онъ хорошо владѣетъ своимъ искусствомъ (ремесломъ), почитаетъ себя человѣкомъ мудрѣйшимъ и въ другихъ дѣлахъ самой великой важности (см. выше 22. D.)» относятся именно къ политикамъ изъ ремесленниковъ,—къ такимъ людямъ, какъ Анить.

³ Ликонъ былъ одинъ изъ десяти ораторовъ, которые, по закону Солона, должны были говорить въ защиту общественныхъ дѣлъ (*Diog. L. II. 88*). Но такъ какъ во времена Платона управленіе дѣлами республики было слабо; то привилегированные ораторы отъ нечего дѣлать заводили судебныя интриги, позволяли себѣ ябеды, и такимъ образомъ вошли въ поговорку, какъ люди презрѣнные. См. *Valckenār. diarib. p. 357. sqq. Aristoph. plut. v. 567. sqq.* Судя по намѣкамъ Аристофана (*Vesp. v. 1292.*), можно думать, что Ликонъ сверхъ того велъ и развратную жизнь, ибо съ другимъ ораторомъ, Антифономъ, любилъ пьяныя общества.

многихъ видахъ. Вотъ вамъ истина, Аѳиняне! Я говорю ее, нисколько не скрывая и не поддѣлывая, хотя почти знаю, что она навлекаетъ на меня ненависть. Но здѣсь-то и признакъ, что слова мои справедливы, что въ этомъ именно состоитъ клевета на меня и что эти именно ея причины. Будете разсматривать мое дѣло теперь или послѣ,—откроетъ. В. ся одно и то же.

И такъ въ томъ, въ чемъ обвиняли меня первые мои обвинители, да будетъ достаточнымъ для васъ высказанное мною оправданіе. Теперь постараюсь защитить себя противъ добраго, или, какъ онъ говоритъ, любящаго Аѳины ¹ Мелита, и противъ другихъ, слѣдовавшихъ за нимъ доносчиковъ. Такъ какъ эти обвинители иного рода; то возьмемъ равнымъ образомъ клятвенное ихъ показаніе. Оно почти такъ-же: *Сократъ поступаетъ преступно, ибо развращаетъ юношей и не признаетъ боговъ, признаваемыхъ городомъ, а вводитъ новыхъ геніевъ.* Вотъ въ чемъ состоитъ обвиненіе! Разсмотримъ каждый пунктъ его.

Во-первыхъ сказано, что я поступаю преступно, развращая юношей: но по моему, Аѳиняне,—такъ преступно поступаетъ Мелитъ, что шутить серьезными вещами и легкомысленно призываетъ людей въ судъ, показывая видъ, будто ревнуетъ и заботится о такихъ дѣлахъ, изъ которыхъ ни объ одномъ никогда не беспокоился. А что это справедливо, постараюсь доказать вамъ.

Сокр. Пожалуй-ка сюда, Мелитъ, и скажи мнѣ: не выше

¹ φιλόπολις. Слово φιλόπολις не должно быть принимаемо въ одномъ и томъ же значеніи съ словомъ φιλόπατρις. Φιλόπατρις — тотъ, кто любитъ Грецію; а φιλόπολις есть любитель Аѳинъ. *Dorville. ad Charit. p. 213.*

² ἔχει δὲ πῶς ὧδε. Слово πῶς показываетъ, что Сократъ приводитъ формулу обвиненія не буквально. Буквальное ея изложеніе, еще во времена Фаворина, во второмъ вѣкѣ по Р. Х., сохранялось въ аѳинскомъ μητρόφι, то-есть въ храмѣ матери всѣхъ боговъ. По свидѣтельствѣ Діогена Л. (II. 40), на одной доскѣ въ этомъ храмѣ написаны были слѣдующія слова: Ἐγὼ δὲ ἐγράφω καὶ ἀνωμολογῶ Μελίτου Μελίτου, Πιτθέου, Σωκράτει Σωφρονίστην, Ἄλωπεκῆθεν ἄδικεὶ Σωκράτην, οὓς μὲν ἡ πόλις νομίζει θεοὺς οὐ νομίζειν, ἕτερα δὲ καὶ ἀδαιμόνια εἰσηγούμενος ἄδικεὶ δὲ καὶ νέμει διαφθείρων. Τμήμα θάνατος.

Д. ли всего, по твоему мнѣнію, то, чтобы юноши были самыми лучшими?

Мел. Конечно.

Сокр. Изволь же теперь объявить находящимся здѣсь, кто дѣлаетъ юношей лучшими. Ты очевидно знаешь это; вѣдь не даромъ заботишься. Развратителя-то ты, говоришь, открылъ;—призвалъ сюда меня и обвиняешь: изволь-ка теперь наименовать и указать имъ человѣка, дѣлающаго юношей лучшими. Видишь ли, Мелить? пришлось молчать, нѣтъ отвѣта! А не стыдно ли тебѣ и не достаточно ли этимъ подтверждаются слова мои, что у тебя подобной заботы не бывало? Скажи же, добрый человѣкъ, кто дѣлаетъ ихъ превосходнѣйшими.

Мел. Законы.

Е. *Сокр.* Да не о томъ вопросъ, почтеннѣйшій: кто первый знаетъ самые-то законы?

Мел. Эти судьи, Сократъ.

Сокр. Что ты говоришь, Мелить? Эти судьи могутъ учить юношей и дѣлать ихъ лучшими?

Мел. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Всѣ? или одни могутъ, а другіе нѣтъ?

Мел. Всѣ.

Сокр. Прекрасно сказано, клянусь Ирою. Да и какъ много людей обязательныхъ! Ну, а эти слушатели—что?—дѣлаютъ ихъ лучшими или нѣтъ?

Мел. И эти дѣлаютъ.

Сокр. А совѣтники ¹?

¹ *А совѣтники?* τί δαί οἱ βουλευταί; Аѳинскій Сенатъ состоялъ изъ двухъ отдѣльныхъ присутственныхъ мѣстъ: изъ Ареопага, βουλὴ ἡ ἐξ Ἀρείου πάγου, и изъ Пятидесяти Сове́та, βουλὴ ἡ τῶν πεντακισίων. Члены послѣдняго назывались οἱ βουλευταί, или πρυτάνεις и, по закону Солона, жребіемъ избирались изъ всѣхъ десяти аттическихъ округовъ въ числѣ пятидесяти человѣкъ изъ каждаго. Однакожъ совѣтники не всѣ вдругъ составляли совѣтъ, но чередовались по округамъ; такъ что одинъ округъ, отслуживъ свое время, или тридцать пять дней, сдавалъ должность другому. Да и представители извѣстнаго округа засѣдали въ собраніи опять не всѣ вдругъ, но такъ какъ курсъ ихъ службы опредѣлялся тридцатью пятью днями, или пятью недѣля-

Мел. И совѣтники.

Сокр. Но ужъ не развращаютъ ли юношей въ собраніяхъ посѣтители собраний? Или и они дѣлаютъ ихъ лучшими?

Мел. И они.

Сокр. Такъ видно всѣ Аѳиняне, кромѣ меня, дѣлаютъ юношей хорошими и добрыми; видно одинъ я развращаю ихъ. Ты утверждаешь это?

Мел. И весьма рѣшительно.

Сокр. Великую же бѣду возносишь на меня. Однакожъ отвѣчай мнѣ. Такъ ли по твоему мнѣнію бываетъ и съ лошадьми? то-есть, лучшими дѣлаютъ ихъ всѣ люди, а портятъ ктонибудь одинъ? или совершенно напротивъ: ктонибудь одинъ, или очень немногіе, напримѣръ, наѣзники въ состояніи дѣлать ихъ лучшими, а многіе, какъ скоро начнутъ водиться и обращаться съ ними, портятъ ихъ? Не такъ ли Мелитъ, бываетъ и съ лошадьми, и со всѣми другими животными?— Безъ сомнѣнія такъ, — подтвердите ли это ты и Анитъ, или не подтвердите. Весьма счастливы конечно были бы юноши, если бы только одинъ развращалъ ихъ, а прочіе приносили имъ пользу. Но ты, Мелитъ, достаточно доказалъ, что никогда не заботился о юношахъ; ты ясно обнаружилъ свое нерадѣніе о нихъ; у тебя не было никакого попеченія о томъ, въ чемъ обвиняешь меня предъ судомъ. Скажи намъ еще, ради Зевса, Мелитъ: лучше ли жить между полезными, или вредными гражданами? Отвѣчай-ка ¹ на вопросъ; вѣдь

ми, то пятьдесятъ совѣтниковъ совершали дѣло управленія, раздѣлившись на пять десятковъ; такъ что одинъ десятокъ, прослуживъ свою недѣлю, уступалъ мѣсто другому, другой третьему и т. д. Члены этихъ десятковъ назывались *πρόεδροι*. Равнымъ образомъ и *πρόεδροι* не всѣ и не всякій день имѣли одинаковую власть въ совѣтѣ, но каждому назначаемъ былъ свой день, въ который онъ предсѣдательствовалъ, принималъ въ свое завѣдываніе казну и печать и назывался *ἐπιστάτης*. Само собою разумѣется, что на чреду *τῶν ἐπιστάτων* могли вступать преемственно только семь совѣтниковъ, а служба трехъ остальныхъ состояла просто въ присутствіи въ Совѣтѣ. *Hofman. Lexic. v. Prytaneia.*

¹ *Отвѣчай-ка*, ὡς ἴσως, ἀπόκριται. Hesychius: ὡς ἴσως — πρόεδρος τιμητικῆς λέξεως λέγεται δὲ καὶ ἐπὶ εἰρωνείᾳ πολλάκις. *Timaeus Gloss. Plat. et Lex rhet. bibl. Coisl. p. 404.* ὡς ἴσως ὡς οὗτος. *Moeris:* ὡς ἴσως, ἀτικῶς ὡς σύ, ἑλλητικῶς. *Add. Scic, h. 1.*

онъ не труденъ. Не правда ли, что вредные дѣлаютъ какое нибудь зло людямъ, всегда къ себѣ близкимъ, а добрые—какое-нибудь добро?

Мел. Конечно.

Сокр. Но есть ли такіе, которые, обращаясь съ людьми, D. хотѣли бы получать отъ нихъ лучше вредъ, чѣмъ пользу? Отвѣчай, добрый человѣкъ; вѣдь и законъ велитъ отвѣчать ¹. Есть ли люди, желающіе получать вредъ?

Мел. Разумѣется, нѣтъ.

Сокр. Хорошо; ты призвалъ меня сюда, какъ развратителя юношей, дѣлающаго ихъ вредными: волею я дѣлаю это, или неволею?

Мел. Волею.

Сокр. Какъ же такъ, Мелить? Ты, человѣкъ молодой, гораздо мудрѣе меня старика; тобою дознано, что злые дѣлаютъ какое-нибудь зло людямъ, всегда къ себѣ близкимъ, а E. добрые—добро. Напротивъ я дошелъ до совершеннаго невѣжества: мнѣ неизвѣстно и то, что, дѣлая кого-нибудь изъ своихъ ближнихъ худымъ человѣкомъ, я подвергаюсь опасности потерпѣть отъ него какое-нибудь зло. И ты еще говоришь, что это-то, столь важное зло, я произвожу волею? Не вѣрю тебѣ, Мелить; да кажется, и ни кто другой не повѣритъ. Или 26. я не развращаю, или развращаю неволею; такъ что въ обоихъ случаяхъ ты утверждаешь ложь. Если же я развращаю неволею; то подобныхъ грѣшниковъ по-неволѣ законъ велитъ не сюда призывать, а учить и вразумлять особо; потому что, вразумившись, я конечно перестану дѣлать то, что дѣлаю невольно. Между тѣмъ ты избѣгалъ обращенія со мною и не хотѣлъ научить меня; напротивъ призвалъ сюда, куда, по закону, призываются люди для наказанія, а не для наученія. Да, теперь видно уже, Аѳиняне, что Мелить, какъ я B. говорилъ, никогда и нисколько не беспокоился объ этомъ.

¹ Самые слова закона, на который здѣсь указывается, приводитъ Димосенъ (с. Steph. Orat. II. p, 1131.): «противникамъ въ судѣ (*ἀντιδίκαις*) необходимо отвѣчать другъ другу на вопросы, но не свидѣтельствовать. *Forsterus.*

Впрочемъ, скажи-ка намъ, Мелитъ: какимъ образомъ, по твоему мнѣнію, я развращаю юношей? Не правда ли, что, по формулѣ твоего доноса, я учу признавать не тѣхъ боговъ, которыхъ признаетъ городъ, а новыхъ геніевъ? Не такъ ли, говоришь, я своимъ ученіемъ развращаю юношей?

Мел. Конечно,—и я рѣшительно утверждаю это.

Сокр. Заклинаю же тебя самыми богами, Мелитъ, о которыхъ теперь идетъ рѣчь: выскажи это еще яснѣе—и мнѣ, и присутствующимъ здѣсь мужамъ. Для меня слѣдующее не С. понятно: то ли ты говоришь, что я учу признавать какихъ-то боговъ и самъ также допускаю ихъ, а потому несовсѣмъ безбожникъ, и въ этомъ отношеніи не незаконно поступаю, только допускаю не тѣхъ именно, какихъ городъ, а иныхъ, и это-то ставишь мнѣ въ вину, что иныхъ? или утверждаешь, что я и самъ вовсе не признаю боговъ, и другихъ учу тому же?

Мел. Я утверждаю, что ты вовсе не признаешь боговъ.

Сокр. О дивный Мелитъ! Да что ты это говоришь? Значить, я не почитаю богами ни солнца, ни луны, чѣмъ почти D. таютъ ихъ нѣкоторые люди ¹?

Мел. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, судьи; солнце называетъ онъ камнемъ, а луну землею.

Сокр. Ты, кажется, обвиняешь Анаксагора ², любезный Мелитъ. Думать, будто судьи такъ мало знакомы съ книгами,

¹ Этими Сократъ хочетъ сказать не то, что онъ признаетъ за боговъ солнце и луну, а то, что ему не возможно не признавать никакого бога, когда и Персы и другіе варвары, невѣрующіе въ греческихъ боговъ, воздаютъ божескія почести по крайней мѣрѣ солнцу и лунѣ. По этому мысль Штальбома, будто Сократъ разумѣетъ здѣсь Аполлона и Діану, мнѣ кажется слишкомъ изысканною.

² По свидѣтельству Діогена Лаерція (II. 8), Анаксагоръ Клазоменскій училъ, что солнце есть *μύδρος διάπυρος*, который одни принимали за раскаленную массу желѣза, а другіе — за камень. Въ послѣднемъ смыслѣ *μύδρον διάπυρον* разумѣлъ и Сократъ (*Xenoph.* Mem. VI 7. 7) и опровергалъ это мнѣніе. Луна же, по Анаксагору, имѣетъ *οὐχίσεις, λόφος* и *φάργγυας*, значить, есть земля. См. *Fischer.* ad. h. l., также *Hemsen.* de Anaxagora Clazomenio, s. de vita ejus atque philosophia p. 70 sqq. Эти мнѣнія Мелитъ навязывалъ Сократу вѣроятно потому, что считалъ его ученикомъ Архелая, послѣдователя Анаксагорова.

будто они не знаютъ, что подобными мнѣніями преисполнены сочиненія Анаксагора Клазоменскаго, значить, унижать ихъ.

Е. Видно же юноши учатся у меня тому, что иногда могутъ, много какъ за драхму, купить со сцѣны ¹, чтобы посмѣяться надъ Сократомъ, когда бы эти и другія нелѣпости онъ вздумалъ выдавать за свое. Такъ вотъ что, ради Зевса, называется у тебя—не признавать ни одного бога?

Мел. Да, клянусь Зевсомъ, точно ни одного.

Сокр. Ты ужъ не вѣришь, Мелить, кажется, и самому себѣ. Да, Аѣиняне, онъ по видимому,—человѣкъ вздорчивый и буйный: онъ сдѣлалъ на меня этотъ доносъ просто по вздорчivosti, буйству и молодости. У него какъ будто была проба сложить загадку: узнаеть ли, то-есть, Сократъ, такой мудрецъ, что я прикрываюсь шуткою и противорѣчу самому себѣ, или мнѣ удастся обмануть и его и прочихъ слушателей? А онъ въ доносѣ дѣйствительно противорѣчитъ самому себѣ, какъ бы такъ говоря: Сократъ поступаетъ незаконно, потому что не признаетъ боговъ, но признаетъ боговъ. Это—конечно шутка. Разсмотримъ вмѣстѣ, граждане, вѣрно ли мое мнѣніе о его доносѣ. Ты, Мелить, отвѣчай намъ; а вы, о чемъ я и В. вначалѣ просилъ васъ, не изъясняйте негодованія, когда моя рѣчь будетъ являться въ привычной мнѣ формѣ.

Есть ли кто-нибудь, Мелить, который бы человѣческія

¹ Въ Аѣинахъ, до временъ Перикла, театральныя мѣста (*sedes et loca*) раздавались безмездно всѣмъ желавшимъ видѣть представленіе. Периклъ, первый установилъ брать за нихъ плату, и это называлось *δέειν ἀπομνησθῆναι* или *ἀγοράζειν* (*Leopard. Emendatt. I. 13.*). Театральныя мѣста продавались откупщиками амѣитеатровъ, *θεατρῶναις*, *θεῖ τροπῶλαις*, *ἀρχιτεκτόνεσι* (*Demosth. de согопа р. 234. 23. Т. 1.*) за два овола (около 2 коп. сереб.), а иногда и за цѣлую драхму (22³/₄ коп. серебр.). См. *Casaub. ad. Theophr. Char. 2. Boeckh. de оесопот. Reipubl. Athen. Т. I. р. 236. sqq.* А такъ какъ самую высокую цѣною за мѣсто въ театрѣ была драхма; то ясно, почему Сократъ говорить: «могутъ купить, много какъ за драхму». Но какимъ образомъ на сцѣнѣ продавались мысли философвъ? Извѣстно, что драматическіе и комическіе поэты не рѣдко вносили въ свои пьесы мнѣнія прежнихъ и современныхъ умствователей—первые съ цѣлію прославить ихъ, что, какъ извѣстно, дѣлалъ Эврипидъ съ положеніями Анаксагора (см. *Valckenār. Diatr. in fragm. Eurip. р. 29 sqq.*),—а послѣдніе съ намѣреніемъ посмѣяться надъ ними, что встрѣчается почти во всѣхъ комедіяхъ Аристофана.

дѣла признавалъ, а людей не признавалъ? Пусть онъ отвѣчаетъ, граждане, а не шумить безъ толку. Есть ли кто-нибудь, который бы лошадей не признавалъ, а дѣла, относящіяся къ лошадямъ, признавалъ? который бы флейщиковъ не признавалъ, а дѣла свойственныя имъ признавалъ? Если ты, превосходнѣйшій изъ мужей, отвѣчать не хочешь; то я скажу тебѣ и другимъ здѣсь присутствующимъ, что такихъ людей нѣтъ. Но отвѣчай на слѣдующій вопросъ: есть ли кто-нибудь, кото- с.
рый бы геніальныя дѣла признавалъ, а геніевъ не признавалъ?

Мел. Нѣтъ.

Сокр. Какъ ты обрадовалъ меня, что наконецъ, по побужденію этихъ мужей, отвѣтилъ! Вотъ ты утверждаешь, что я признаю и преподаю геніальное—пусть оно будетъ новое или старое;—довольно, что, по твоимъ словамъ, я признаю именно геніальное, и этотъ пунктъ доноса запечатлѣнъ твоею клятвенною подписью. Если же я признаю геніальное; то крайняя необходимость велитъ мнѣ уже признавать и геніевъ. Не такъ ли?—Безъ сомнѣнія такъ. Не слыша твоего отвѣта, я полагаю, что ты согласенъ. А геніевъ не почитаемъ ли мы то д.
богами, то дѣтми боговъ? Подтверждаешь, или нѣтъ?

Мел. Конечно.

Сокр. И такъ, если я вѣрую въ геніевъ; а геніи, по твоему сознанію, суть нѣкоторыя божества; то вотъ мои слова и справедливы, что ты предложилъ намъ загадку и прикрывался шуткою, когда утверждалъ, будто я не вѣрую въ боговъ, и снова—что я вѣрую въ нихъ, поколику вѣрую въ геніевъ. Но далѣе, если геніи—побочныя дѣти боговъ, рожденные ими или отъ нимфъ, или, какъ говорятъ, отъ другихъ женщинъ; то какой человѣкъ, вѣруя въ божіихъ дѣтей, не вѣруетъ въ боговъ? Это было бы столь же нелѣпо, какъ если бы кто, допуская бытіе лошадиныхъ жеребятъ и ослиныхъ муловъ, не допускалъ б.
бытія лошадей и ословъ. Не можетъ статья, Мелитъ, чтобы ты сдѣлалъ такой доносъ не для испытанія насъ, или не по незнанію, какую дѣйствительную вину взнести на меня. А убѣдить кого-нибудь, кто имѣетъ хоть мало разсудка, что одному

и тому же человѣку свойственно, вѣря въ геніальное и божественное, не вѣрить ни въ геніевъ, ни въ боговъ, ни въ героевъ,—никакимъ образомъ невозможно.

Такъ-то, Аѳиняне! Что я не виноватъ по силѣ Мелитова доноса,—это, кажется, не требуетъ большаго оправданія; достаточно и сказаннаго: а что, какъ я и прежде говорилъ, многіе сильную питаютъ противъ меня ненависть,—это, будьте увѣрены, справедливо. Поэтому преодолѣютъ меня, если преодолѣютъ, не Мелитъ и Анитъ, а клевета и вражда толпы. Онъ уже преодолѣли много и другихъ очень добрыхъ мужей; да в. кажется и будутъ преодолѣвать: нѣтъ ничего удивительнаго, что на мнѣ это не остановится.

Но можетъ быть кто скажетъ: не стыдно ли тебѣ, Сократъ, что ты запутался въ такія дѣла, которыя теперь угрожаютъ тебѣ смертію?—Я отвѣчу ему правдою: нехороши твои мысли, почтеннѣйшій, если ты думаешь, что тотъ, въ комъ есть хоть немного дѣльнаго, долженъ брать въ расчетъ опасность жизни и смерти, а не смотрѣть на одно,—справедливо ли онъ поступаетъ, или несправедливо, когда что-нибудь дѣлаетъ, и доброму ли человѣку приличны дѣла его, или худому. По твоему, худы видно были полубоги, павшіе подъ Троею, худы были и другіе, и сынъ Ѡетиды ¹, который, чтобы не подвергнуться стыду, пренебрегъ величайшею опасностію. Когда онъ жаждалъ Гекторовой смерти, и когда мать его,—замѣть—богиня, почти такъ, помнится, сказала ему: дитя мое! отмстивъ за смерть друга своего Патрокла и убивъ Гектора, ты умрешь самъ, —

Скоро за сыномъ Пріама конецъ и тебѣ приготовленъ; то, выслушавъ слова ея, онъ презрѣлъ смерть и опасность д. и, гораздо больше боясь вести жизнь слабаго человѣка, который не мститъ за своихъ друзей, отвѣчалъ: *о, да умру я теперь же, преслѣдуя обидчика за обиду, чтобы не оставаться здѣсь посмѣшищемъ и не быть бесполезнымъ бременемъ*

¹ Указывается на XVIII кн. 90 и сл. ст. Илиады.

немъ земли, сидя предъ дуговидными кораблями! Думаешь ли, что онъ скорбѣлъ, приближаясь къ смерти и опасности? Такъ-то поистинѣ, Аѳиняне! Гдѣ кто стоитъ — потому ли, что свое мѣсто почитаетъ лучшимъ, или потому, что на этомъ мѣстѣ поставили его начальники, — тамъ долженъ онъ, кажется, при встрѣчѣ съ опасностію, и оставаться: въ сравненіи съ стыдомъ, и смерть и все прочее — ничего не значить. Итакъ, я поступилъ бы ужасно, Аѳиняне, если бы, по повелѣнію архонтовъ, которыхъ избирали вы для управленія мною и въ Потидеѣ, и въ Амфиполисѣ, и на Делосѣ ¹, оставался тамъ, гдѣ мнѣ было указано, и, подобно другимъ, подвергался опасности потерять жизнь; а при повелѣніи божіемъ, которымъ, какъ я привыкъ думать, предписывается мнѣ провождать время въ любомудріи и испытаніи себя и другихъ, убоялся бы смерти, или чего подобнаго, и оставилъ бы свое мѣсто. Да, это было бы ужасно: тогда кто-нибудь дѣйстви- тельно имѣлъ бы право подвергнуть меня суду, какъ чело- вѣка, не признающаго боговъ, — какъ такого чело- вѣка, кото- рый не повинуется оракулу, боится смерти и считаетъ себя мудрецомъ, не будучи имъ. Въ самомъ дѣлѣ, граждане, — бояться смерти есть не что иное, какъ казаться мудрецомъ, не будучи имъ. Вѣдь казаться, значить, знать то, чего не знаешь; а смерти не знаетъ никто, — никто не знаетъ да- же и того, не есть ли она для чело- вѣка величайшее изъ всѣхъ благъ; и однакожъ люди боятся ея, какъ будто знаютъ, что она есть величайшее изъ всѣхъ золъ. Какъ же не самое низ- кое невѣжество — думать, будто знаешь то, чего не знаешь! Напротивъ я, граждане, и въ этомъ отношеніи можетъ быть тѣмъ отличаюсь отъ многихъ людей, и по тому назвалъ бы себя мудрѣе инаго, что, не зная достаточно о преисподней, такъ и думаю, что не знаю: а что поступать незаконно и не повиноваться лучшему, — чело- вѣку то или богу, есть дѣло ху-

¹ Сократъ говоритъ о своихъ походахъ въ качествѣ воина. Подробное описаніе ихъ можно читать *Diogen. L. II. 22. sqq. ibique Meneg Athen. IV. 15. ibique Casaub.; Aelian. V. II. III. 17. Cicero. de divin. I. 54.*

дое и постыдное, — это я знаю. Посему не буду бояться и бѣгать того, о чемъ не могу сказать, добро ли оно, — бояться и бѣгать болѣе, чѣмъ зла, которое уже извѣстно мнѣ, какъ зло. Положимъ, что теперь вы согласились бы отпустить

C. меня и не послушались бы Анита, который говоритъ, что или съ самаго начала не надлежало призывать меня сюда, или, когда призвали, надобно лишить жизни, такъ какъ онъ доказываетъ вамъ, что если я избѣгну смерти, то ваши сыновья, слѣдуя ученію Сократа, всё и вездѣ развратятся, — положимъ, что на это вы сказали бы мнѣ: Сократъ! теперь мы не слушаемся Анита и отпустимъ тебя, однакожь съ тѣмъ условіемъ, что бы ты уже не занимался подобнымъ изслѣдованіемъ и любомудріемъ; если же снова будешь обличенъ въ томъ самомъ дѣлѣ, то умрешь. Положимъ, говорю, что вы отпускали бы меня на этомъ условіи: въ такомъ слу-

D. чаѣ вотъ каковъ былъ бы мой отвѣтъ. Аѣиняне! я преданъ вамъ чувствами дружбы и любви: но на мою вѣру большее право имѣетъ богъ, чѣмъ вы. А потому, пока дышу и могу, не перестану философствовать и предлагать каждому встрѣчному убѣжденія и доказательства въ обычныхъ мнѣ выраженіяхъ: почтеннѣйшій мужъ! будучи гражданиномъ Аѣинъ, города, по своей мудрости и силѣ духа, великаго и славнаго, ты не стыдишься хлопотать о славѣ, чести и деньгахъ, что-

E. бы собрать ихъ сколько можно болѣе; а о благоразуміи, объ истинѣ, о душѣ, чтобы она сдѣлалась сколько можно лучшею, не хлопочешь и не заботишься. Если же кто-нибудь изъ васъ усомнится и скажетъ, что онъ заботится объ этомъ; то я не тотчасъ отпущу его и не вдругъ отстану, но буду спрашивать, испытывать, вывѣдывать, и когда окажется, что онъ не пріобрѣлъ добродѣтели, а приписываетъ ее себѣ,

30. то замѣчу ему, что у него самое важное унижается, а бездѣльное представляется важнымъ. Такъ обойдусь я и съ молодымъ человѣкомъ, и съ старикомъ — съ кѣмъ ни пришлось бы встрѣтиться, такъ — и съ иностранцемъ и съ Аѣиняниномъ, и съ Аѣинянами тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе они ко мнѣ

по племени; ибо такова, будьте увѣрены, воля божія. Я даже думаю, что въ городѣ не найти вамъ блага болѣе моего служенія богу; потому что цѣль моихъ прогулокъ есть не иная, какъ убѣжденіе молодыхъ людей и стариковъ—пещись не прежде и не столько о тѣлѣ, о деньгахъ и о чемъ-нибудь В. другомъ, сколько о душѣ, чтобы сдѣлать ее совершеннѣйшею. Я доказываю, что не изъ денегъ рождается добродѣтель, а изъ добродѣтели—деньги, равно какъ и всѣ другія частныя и общественныя для людей блага. Если, говоря это, я развращаю юношей; то слова мои конечно вредны: а кто сказалъ бы, что я учу не этому, а другому; тотъ не сказалъ бы ничего. Итакъ я отвѣчалъ бы: Аѳиняне! повѣрите вы Аниту, или не повѣрите, отпустите меня или нѣтъ,—но я буду поступать не иначе, хотя бы мнѣ пришлось умереть много разъ. С.

Не шумите, Аѳиняне; устояте въ томъ, о чемъ я васъ просилъ: то-есть, не шумомъ отвѣчать на мои слова, а вниманіемъ; потому что вниманіе, думаю, принесетъ вамъ пользу. Вотъ я намѣренъ сказать и нѣчто другое, при чемъ можетъ быть, вы поднимете крикъ: но отнюдь не дѣлайте этого. Знайте, что если вы лишите меня жизни, — меня, такого человѣка, какимъ я себя описываю; то повредите болѣе себѣ, чѣмъ мнѣ. Мнѣ не сдѣлаютъ вреда ни Мелитъ, ни Анитъ, D. да и не могутъ; потому что, кажется, не въ порядкѣ вещей, что бы человѣку лучшему вредилъ худшій. Положимъ, онъ лишитъ меня жизни, либо изгонитъ, либо обезчеститъ: но это — великое зло, только по его, или по чьему-нибудь мнѣнію, а по моему—не зло. Напротивъ, я почитаю гораздо большимъ зломъ дѣлать то, что онъ теперь дѣлаетъ, то-есть, намѣреваться безъ вины лишитъ человѣка жизни. По этому въ настоящія минуты, Аѳиняне, я защищаю вовсе не себя, какъ иной можетъ быть думать, а васъ, чтобъ обвинивъ меня, вы не лишились даннаго вамъ богомъ дара. Да, если вы умерт- E. вите меня; то трудно будетъ вамъ найти другаго подобнаго мнѣ, котораго—хоть и смѣшно, а справедливо—богъ помѣ-

стиль въ городѣ, будто на великомъ и благородномъ конѣ ¹, для того, что этотъ конь, по причинѣ своей величины, довольно неповоротливъ и долженъ быть возбуждаемъ жаломъ овода. Именно, ту-то, кажется, должность въ отношеніи къ городу богъ и возложилъ на меня, что бы я и возбуждалъ васъ, и убѣждалъ, и надоѣдалъ каждому, что бы я не престан-

31. но, во весь день подсѣдалъ то къ тому, то къ другому. Да, граждане, другаго такого не легко имѣть вамъ: поэтому, если повѣрите мнѣ, то пощадите меня. Но разсердившись, какъ пробуждаемые отъ сна, вы вѣроятно будете меня бить и, послушавшись Анита, безъ труда убьете, чтобъ остальную жизнь провести во снѣ, если богъ, заботясь о васъ, не пошлетъ вамъ еще кого-нибудь. А что я таковъ, какимъ богъ

В. далъ меня городу, уразумѣете изъ слѣдующаго: Не на человѣческой расчетъ безъ сомнѣнія походить, что я нерадѣю о всемъ своемъ и столько уже лѣтъ оставляю безъ вниманія неустройства домашнія; напротивъ всегда занимаюсь вашими дѣлами, бесѣдуя съ каждымъ порознь, какъ будто отецъ или старшій братъ, и убѣждая слѣдовать добродѣтели. Была бы еще причина поступать такимъ образомъ, если бы чрезъ это я снискивалъ выгоду, или за свои наставленія бралъ плату: но вы и сами-таки видите, что мои обвинители, сколь ни безстыдны ихъ извѣты въ отношеніи ко всему другому,

¹ Этой аллегоріи Сократа можно дать двоякій смыслъ; потому что слѣдующее далѣе слово *μῦθος* значить и *шпоры* и *оводы*. Принявъ первое, мы должны будемъ допустить, что Сократъ представляетъ себя въ обществѣ, какъ всадника на конѣ, котораго онъ возбуждаетъ шпорами; а по второму, сынъ Софрониска уподобляетъ себя оводу, сидящему на спинѣ коня, чтобы онъ былъ живѣе. Иоаннъ Серрскій, Вольфъ, Шлейермахеръ и другіе держатся перваго значенія слова *μῦθος*; а Штальбому и мнѣ кажется приличнѣйшимъ послѣднее: потому что то не довольно идетъ къ лицу Сократа и выражаетъ слишкомъ много самоувѣренія, нисколько ему несвойственнаго; а это гораздо скромнѣе и сообразнѣе съ тонкостью Сократовой ироніи. При томъ первая мысль не заключаетъ въ себѣ ничего необыкновеннаго и смѣшнаго, а послѣдняя дѣйствительно забавна; слѣдовательно Сократъ кстати могъ сказать: «хоть и смѣшно, а справедливо». Наконецъ глаголы *προσκειῖσθαι* *προσθετεῖσθαι*, *προσκαθίσειν* никакъ не могутъ относиться къ всаднику, а на овода, когда онъ льнетъ къ лошади, указываютъ очень выразительно.

не могли однакожь дойти до той степени безстыдства, чтобы С. представить свидѣтеля, будто я получалъ какую-нибудь плату, или требовалъ ея. Да впрочемъ съ моей стороны, — достаточное, кажется, свидѣтельство истины и самая бѣдность.

Можетъ быть покажется страннымъ, что часто я даю совѣты, ходя изъ мѣста въ мѣсто, и беру на себя многое, а публично не осмѣливаюсь войти въ ваше собраніе и совѣтовать городу. Причину этого вы уже слышали отъ меня много разъ: я часто говаривалъ, что во мнѣ бываетъ нѣчто божественное и геніальное, надъ чѣмъ Мелитъ смѣялся и въ доносѣ. Между тѣмъ я съ самага дѣтства слышу въ себѣ какой-то голосъ, который, въ минуту проявленія, всегда отклоняетъ меня отъ того, что думалось мнѣ сдѣлать, а побуждать — никогда не побуждаетъ ¹. Онъ-то возбранялъ мнѣ заниматься политическими дѣлами и, кажется, поступалъ прекрасно; ибо знайте, Аѣиняне, что если бы я задолго рѣшился вступить въ отправленіе общественныхъ должностей, то давно бы уже погибъ и не принесъ бы никакой пользы ни вамъ ни себѣ. И не гнѣвайтесь на меня за истину: нѣтъ Е. человѣка, который спасся бы, противясь сознательно — вамъ ли то, или какому-нибудь другому народному собранію, и поставляя преграды несправедливости и преступленіямъ въ городѣ. Ему необходимо сражаться за правду, и если онъ ³².

¹ Во всѣхъ мѣстахъ Платоновыхъ разговоровъ, гдѣ упоминается о Сократовомъ геніѣ, этотъ геній представляется дѣятелемъ только отвращающимъ отъ извѣстнаго поступка, а не побуждающимъ къ чему-нибудь. (См. Phædr. 242. С. Theæt. 151. А. Alcib. 1. 103. А. 124. С. Theag. 128. D. et alib.). Напротивъ Ксенофонтъ свидѣтельствуемъ, будто онъ внушалъ Сократу и то, что должно дѣлать, и то, чего не должно. (Xenoph. Mem. I. 1. 4. IV. 8. 1.). Это кажущееся противорѣчіе объясняется весьма легко. Нѣтъ сомнѣнія, что Сократъ приписывалъ своему генію силу располагать къ исполненію должностей отрицательныхъ, тѣмъ болѣе, что онъ гораздо яснѣе входитъ въ сознаніе. Но такъ какъ предписаніе не дѣлать чего-нибудь есть ограниченіе не къ бездѣйствію, а къ поступку противоположному, то исполненіе противоположнаго поступка Ксенофонтъ и принялъ за внушеніе положительное. По ученію же Сократа о геніѣ, дѣйствіе положительное есть только слѣдствіе исполненія должности отрицательной. Напримѣръ въ Эвтидемѣ р. 272. Е. изъ предписанія не уходить, само собою вытекаетъ заключеніе, что надобно остаться на мѣстѣ.

- хочетъ спастись на нѣсколько времени, то долженъ вести жизнь частную, а не общественную. Представлю вамъ на это доказательства сильныя — не словами, а тѣмъ, что вы уважаете—дѣлами. Выслушайте-ка, что бывало со мною, и узнаете, что изъ страха смерти я никому не могу потакать ко вреду справедливости, а не потакая, въ тоже время приближаюсь къ гибели. Скажу нѣчто досадительное и необыкновенное, однакоже истинное. Я, Аѳиняне, ниоднажды не несъ
- В.** въ городъ другой правительственной должности, кромѣ должности совѣтника. Нашей филѣ Антіохисъ случилось сенаторствовать ¹, когда вы хотѣли судить вдругъ всѣхъ десять военачальниковъ — за то, что они съ морскаго сраженія не привезли убитыхъ. Такой судъ, какъ послѣ самимъ вамъ показалось, былъ несогласенъ съ законами ². Въ то время я одинъ изъ сенаторовъ противустоялъ вамъ, не допуская нарушить законы, и подалъ противный голосъ. Риторы готовы уже были обвинить меня и отдать подъ стражу; вы тоже требовали этого и кричали; а я думалъ, что лучше мнѣ подвергнуться опасности съ закономъ и правдою, чѣмъ, боясь узъ и смерти, оставаться съ вами, судьями неправедными. И это было еще при народномъ правленіи въ нашемъ городѣ. Когда же наступила олигархія, — тридцать правителей снова призвали меня самъ-пятого въ круглую палату и приказали привезти съ Саламина Льва Саламинянина, чтобы лишить его жизни ³. Много подобныхъ приказаній отдали они и другимъ,
- С.**
- Д.** желая какъ можно болѣе увеличить число виновныхъ. Тогда я опять не словомъ, а дѣломъ доказалъ, что смерть для меня—

¹ Когда производилось дѣло о десяти военачальникахъ, которые, побѣдивъ Лакедемонянъ въ морскомъ сраженіи, не погребли непріятельскихъ тѣлъ; тогда Сократъ былъ *ἐπιστάτης*, председателемъ децемвировъ. О томъ, какъ онъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ, см. *Хенорф.* Hellen. I. 7. 14. 15. 38.

² По свидѣтельству Ксенофонта, (Hellen. I. extr.) законъ повелѣвалъ судить каждого порознь, *κρίνειν διχα ἕκαστον*.

³ Левъ, по рожденію Саламинянинъ, а по отчеству Аѳинянинъ, во время правленія тридцати тиранновъ, произвольно избралъ ссылку на островъ Саламинъ, чтобы огромное его богатство не вооружило противъ него корыстолюбивыхъ правителей. *Хенорф.* Hellen. 11. 3. 39.

какъ бы сказать незаносчивѣе,—ничего не значить, что вся моя забота клонится къ дѣятельности, чуждой неправды и нечестія. То правительство, сколь могущественно ни было оно, не испугало меня и не заставило сдѣлать что-нибудь не-правое: нѣтъ, вышедши изъ круглой палаты, прочіе четверо отправились на Саламинъ и привезли Льва; а я тотчасъ отправился домой и за это, можетъ быть, заплатилъ бы жизнью, если бы власть тиранновъ вскорѣ не исчезла. О такомъ поступкѣ моемъ засвидѣтельствуя вамъ многіе. Е.

Думаете ли, что я прожилъ бы столько лѣтъ, если бы несъ общественныя должности, поступая, какъ прилично человѣку доброду, то-есть, помогая правымъ, и эту помощь, какъ слѣдуетъ, ставя выше всего? Далеко нѣтъ, Аѳиняне; да и никто другой не достигъ бы до такой старости. Между тѣмъ вся моя жизнь не только въ отправленіи кое-какихъ обще- 33. ственныхъ дѣлъ, но и въ частныхъ занятіяхъ была такова, что я никогда и никому не поблажалъ ко вреду справедливости,—не поблажалъ и другимъ, и тѣмъ, которыхъ клеветники называютъ моими учениками ¹. Я никогда и ничьимъ не былъ учителемъ. Если же кто-нибудь, молодой или пожилой человѣкъ, хотѣлъ слушать мои слова, когда я исполнялъ свою обязанность; то никому и ни въ какое время не запрещалось. При томъ я не изъ тѣхъ, которые разсуждаютъ за деньги, а безъ денегъ не разсуждаютъ: я позволяю вопрошать себя В. равно и богатому и бѣдному; а кто хочетъ, можетъ только отвѣчать, выслушивая мои вопросы. Впрочемъ, по всей справедливости, я не беру на себя того, добрымъ ли становится кто изъ моихъ слушателей, или нѣтъ; потому что никому не общаю науки и ничему не учу. Если же иные говорятъ, будто отъ меня чему-нибудь научились, или слышали какую-нибудь особенность, которая отъ другихъ сокрыта; то будьте увѣрены, что это говорятъ несправедливо.

¹ Здѣсь Сократъ разумѣетъ особенно Алкивіада и Критіаса, которые, по мнѣнію народа, получили худыя правила жизни и дѣятельности въ школахъ Сократа. *Хеноръ. Мет.* 1. 2. 12. sqq.

- с. Однакоже почему нѣкоторые рады обращаться со мною долгое время? Вы слышали, Аѳиняне, я высказалъ вамъ всю истину, что мои слушатели съ удовольствіемъ внимаютъ, какъ я испытываю тѣхъ людей, которые, почитая себя мудрецами, на самомъ дѣлѣ—не мудрецы;—съ удовольствіемъ внимаютъ потому, что это не непріятно. А дѣлать такое испытаніе, какъ сказано, предписывалъ мнѣ богъ,—предписывалъ и изреченіями оракула, и сновидѣніями, и всякимъ образомъ, какимъ и иной божественный жребій повелѣваетъ человѣку что-нибудь дѣлать. Это, Аѳиняне, и истинно, и удободоказательно. Но, если я однихъ изъ юношей раз-
- D. вращаю, другихъ развратилъ; то нѣкоторые изъ нихъ, ставъ постарше и понявъ, что въ юныхъ лѣтахъ слышали отъ меня худые совѣты, теперь должны бы настоятельно изложить свои обвиненія и требовать моей казни. А когда не захотѣли бы сами они; надлежало бы нынѣ вспомнить нѣкоторымъ изъ ихъ родственниковъ, напримѣръ отцамъ, братьямъ и другимъ ближнимъ, — вспомнить, что ихъ домашніе потерпѣли отъ меня нѣчто худое. Да многіе изъ нихъ, вижу, и въ самомъ дѣлѣ здѣсь: во-первыхъ вотъ Критонъ, мой сверстникъ
- E. и землякъ, отецъ этого Критовула; потомъ Лизаніасъ сфеттійскій, отецъ этого Эсхина; вотъ еще Антифонъ кефисійскій, отецъ Эпигена. Есть здѣсь и такіе, которыхъ братья обращались со мною: вотъ напримѣръ Никостратъ, сынъ Θεодотида, братъ Θεодота (но Θεодотъ уже умеръ и потому не можетъ просить за меня); вотъ Паралось, сынъ Демо-
34. доха, котораго братъ былъ Θεагъ; вотъ Адимантъ, сынъ Аристана, котораго братъ—этотъ Платонъ; вотъ Діантодоръ, котораго братъ этотъ Аполлодоръ. Могу наименовать вамъ много и другихъ, изъ коихъ cadaго Мелить, особенно въ своемъ доносѣ, долженъ бы былъ выставить какъ свидѣтеля. Если же тогда онъ забылъ; то пусть выставитъ теперь, — я не препятствую,—и скажетъ, что знаетъ. Но вы, граждане, найдете совершенно противное этому: меня, развратителя,
- B. который, по словамъ Мелита и Анита, дѣлаетъ зло ихъ ближ-

нимъ, всѣ готовы защищать. Правда, сами развращенные, можетъ статья, имѣли бы причину оказать мнѣ помощь: но не развращенные—то, какъ люди уже пожилые и родственники первыхъ, какое нашли бы основаніе помогать мнѣ, кромѣ прямодушія и справедливости, поколику знаютъ, что Мелить лжетъ, а я говорю правду?

Такъ вотъ это, граждане, и, можетъ быть, иное подобное этому намѣренъ былъ я сказать въ свое оправданіе. Но какъ бы кто изъ васъ не вознегодовалъ на меня, вспомнивъ, что С. онъ, для защиты своего дѣла, которое было и не столь важно, какъ мое, просилъ и со слезами умолялъ судей, приводилъ своихъ дѣтей и много другихъ родственниковъ и друзей, чтобы свискать, какое только можно, милосердіе ¹; а я не дѣлаю ничего такого, хотя, повидимому, подвергаюсь крайнему бѣдствію. Да, кто-нибудь, подумавъ такъ, вѣроятно встанетъ противъ меня своимъ самолюбіемъ и, разгнѣвавшись за это самое, выразить свою досаду неблагопріятнымъ для меня мнѣніемъ. Если кто изъ васъ дѣйствительно такъ на- D. строенъ, — положительно не говорю этого; — то я считаю приличнымъ сказать ему слѣдующее: Почтеннѣйшій мужъ! есть и у меня кое-какіе родственники:—ибо и я, говоря словами Омира ², *родился не отъ дуба и не отъ камня*, а отъ людей; слѣдовательно есть у меня родные, даже есть три сына ³, Аѳиняне, изъ которыхъ одинъ—уже подростокъ, а два еще маленькіе. Но при всемъ томъ, я не приведу сюда ни одного и не буду просить себѣ освобожденія. А почему не сдѣлаю этого?—не по самомнѣнію, Аѳиняне, и не по презрѣ- E.

¹ Что обвиняемые Аѳиняне, для умоливленія судей, приводили съ собою въ судъ сыновей, дочерей и женъ, см. *Aristoph. Plut. v. 383. Vesp. v. 566. sqq.*

² *Hom. Odys. XIX. v. 163.* Пенелопа не узнала Улисса и, требуя, чтобы онъ возвѣстилъ ей о своемъ родѣ, сказала: *οὐ γὰρ ἀπὸ δρυὸς ἔσται πατέρων οὐδ' ἀπὸ πέτρης.*

³ У Сократа было три сына: Лампроклъ, Софронискъ и Менексень. Лампроклъ былъ старшимъ и въ Федонѣ (р. 65) называется *μέγας*. См. *Xenoph. Mem. II. 2. 1.* Послѣдніе два въ Федонѣ названы *σικχροί*, т. е. *καῖδες*.

нію къ вамъ. Мужественно ли встрѣчу я смерть, или немужественно, — это другой вопросъ. Нѣтъ, доживъ до такой старости и снискавъ такое имя, — справедливо ли то или несправедливо, мнѣ кажется, не хорошо было бы, для чести и собственной, и вашей, и цѣлаго города, дѣлать что-нибудь подобное. Вѣдь уже всѣмъ извѣстно, что Сократъ кое-чѣмъ

35. отличается отъ многихъ: но если бы кто изъ васъ, отличаясь либо мудростію, либо мужествомъ, либо какою-нибудь другою добродѣтелію, поступилъ такимъ образомъ; то ему было бы стыдно. Видывалъ я конечно много разъ, что нѣкоторые, — хоть и люди съ самоуниженіемъ, подвергаясь суду, дѣлаютъ чудеса: они думаютъ, что потерпятъ нѣчто ужасное, когда умрутъ, и какъ будто останутся безсмертными, если вы не лишите ихъ жизни. По моему мнѣнію, такіе граждане стыдятъ свой городъ. Смотря на нихъ, иной чужестранецъ предпочесть соотечественники наши, которыхъ Аѳиняне предпочитаютъ себѣ и во власти, и въ другихъ почестяхъ, ничѣмъ не лучше женщинъ. Нѣтъ, этого и мы не должны дѣлать, какими бы себя ни признавали, и вы не должны допускать, если мы это дѣлаемъ: напротивъ ваша обязанность показывать, что человекъ, представляющаго столь жалкія сцены и подвергающаго свой городъ насмѣшкамъ, вы еще скорѣе осудите, чѣмъ того, который молчитъ. Да и кромѣ молвы, граждане, — мнѣ кажется, несправедливо какъ просить судью, такъ и чрезъ просьбу избѣгать приговора; для этого требуются объясненія и доказательства. Вѣдь судья сидитъ не для того, чтобы дать правду, а для того, чтобы изслѣдывать ее: онъ и клялся не дарить ея, кому вздумается, но судить по законамъ. И такъ надобно, чтобы ни мы не пріучали васъ нарушать клятву, ни вы не привыкали нарушать ее; ибо это и въ насъ и въ васъ было бы равно нечестиво. Не извольте же думать, Аѳиняне, будто въ отношеніи къ вамъ я долженъ дѣлать то, что почитаю и нехорошимъ, и несправедливымъ, и нечестивымъ, какъ во всякое другое время, клянусь Зевсомъ, такъ

особенно теперь, когда этотъ Мелитъ обвиняетъ меня въ нечестии. Явно, что если бы я убѣждалъ васъ и, презрѣвъ ваши клятвы, насилывалъ васъ прозьбами; то давалъ бы разумѣть, что вы не чтите боговъ и, оправдываясь, просто обвинялъ бы самъ себя въ непризнаваніи ихъ. Между тѣмъ дѣло вовсе не таково: я признаю боговъ, Аѳиняне, — признаю болѣе, чѣмъ кто-нибудь изъ моихъ обвинителей, и поручаю вамъ и Богу судить о мнѣ такъ, какъ будетъ лучше и для меня и для васъ.

Что я, за настоящее заключеніе, за приговоръ надо мною, Е. не досажаю на васъ, Аѳиняне, — къ тому способствуетъ кое-что многое; да такое заключеніе казалось мнѣ и не невѣроятнымъ. Напротивъ, для меня гораздо удивительнѣе оказавшееся число тѣхъ и другихъ мнѣній: мнѣ представлялось, что большинство голосовъ будетъ не такъ мало, а поболѣе. Если же теперь, какъ открылось, только три голоса пали иначе ¹: то можно бы еще избѣгнуть осужденія. Мелита-то я, кажется, уже избѣжалъ, и не только избѣжалъ, но, когда бы не присовокупили своихъ доносовъ на меня Анитъ и Ликонъ, онъ, какъ всякому видно, даже заплатилъ бы тысячу драхмъ, потому что не имѣетъ на своей сторонѣ пятой части голосовъ ². Этотъ человекъ присуждаетъ меня къ смерти, —

¹ Стефанъ, слѣдуя второму базилианскому списку, число *τρεῖς* перемѣнилъ на *τριήκοντα*, а Діогенъ Лаерцій (II. 41) свидѣтельствуетъ, что Сократъ осужденъ былъ большинствомъ 281 голоса. Какъ согласить эти различныя показанія? Соглашеніемъ ихъ занимался Тихзень въ разсужденіи: *Ueber den Prozess des Sokrates*, напечатанномъ въ библиотекѣ древней литературы и искусствъ fasc. I. p. 1. — 53 et fasc. II. p. 1—60. Вѣроятнѣе то мнѣніе, что послѣ первой рѣчи Сократа, большинство голосовъ оказалось дѣйствительно не велико, по крайней мѣрѣ не больше тридцати; но потомъ, когда Сократъ, оцѣнивая свои заслуги отечеству, присудилъ себя къ содержанію на счетъ общества, то количество неблагопріятныхъ для него мнѣній могло увеличиться до двухъ сотъ и болѣе.

² Основаніе этихъ словъ можно видѣть изъ слѣдующаго вычисленія мнѣній, неблагопріятныхъ для Сократа, было $\frac{1}{2}$ всѣхъ + 3. Значитъ, каждый изъ трехъ обвинителей имѣлъ $\frac{1}{6}$ всѣхъ + 1. Слѣдовательно на сторонѣ Мелита было ихъ менѣе $\frac{1}{6}$. Впрочемъ эти слова Сократъ сказалъ, но

- пусть такъ: но я-то, Аѳиняне, къ чему напротивъ присужу себя? — очевидно къ тому, чего заслуживаю? Чего же я заслуживаю? что долженъ потерпѣть, или какому подвергнуться штрафу, что сознательно не проводилъ жизни покойно, но, не заботясь о томъ, о чемъ заботятся многие, то-есть, о приобрѣтеніи состоянія, объ экономіи, о военачальствѣ, о вліяніи на народныя собранія и другія власти, о партіяхъ и возмущеніяхъ, случающихся въ обществѣ, такъ какъ почиталъ себя въ самомъ дѣлѣ довольно честнымъ для подобныхъ
- C. средствъ спасенія, — не заботясь о всемъ этомъ, не позволялъ себѣ вступать въ такія должности, въ которыхъ не могъ быть полезенъ ни вамъ, ни себѣ, а положилъ оказывать каждому порознь величайшее, какъ я говорю, благодѣяніе, рѣшился внушать всякому изъ васъ, что желая сдѣлаться чело-вѣкомъ отличнѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ, надобно прежде заботиться о себѣ, нежели о своемъ, прежде о самомъ городѣ, нежели о городскомъ, и такимъ же образомъ направлять свое попеченіе ко всему прочему? Такъ что же долженъ
- D. я потерпѣть за это поведеніе? — Что нибудь доброе, Аѳиняне, если въ присужденіи дѣйствительно надобно соображаться съ заслугами, и притомъ доброе такого рода, какой родъ добра мнѣ приличенъ. А что прилично благодѣтелю—бѣдняку¹, который имѣетъ нужду въ досугѣ для увѣщаванія васъ?— Нѣтъ ничего естественнѣе, Аѳиняне, какъ такому чело-вѣку давать столъ въ пританіонѣ: это было бы гораздо лучше, чѣмъ если бы кто, во время олимпійскихъ игръ, одержалъ побѣду на одномъ, двухъ, или трехъ коняхъ; ибо онъ счастливитъ васъ только повидимому, а я счастливию

видимому, въ тонѣ шутки. Должно также замѣтить, что обвинитель не имѣвшій на своей сторонѣ пятой части голосовъ, не только платилъ тысячу драхмъ штрафу, но и подвергался безчестію (*ἀτιμία*), то-есть, навсегда уже лишался права обвинять кого-нибудь. *Demosth. in Mid. p. 529. 23. in Timocrat. p. 702. 5. in Theocrat. p. 1323. 19.*

¹ Люди, оказавшіе Аѳинской республикѣ особенныя услуги, были украшаемы именовъ благодѣтелей, *τῶν εὐεργετῶν* (*Dorvill. de Chariton. p. 317. Xenoph. de re dit. 923. Lysias 20 p. 365*) и содержались на счетъ отечества. См. введ. въ апологію, *it. Cicer. Orat. 1. 54. Demosth. de falsa leg. p. 131.*

на самомъ дѣлѣ; онъ не нуждается въ пищѣ, а я нуждаюсь. Е. И такъ, если должно присудить мнѣ что-нибудь справедливо и по заслугамъ; то я присуждаю себѣ столъ въ пританіонѣ. 37.

Но можетъ быть и эти слова мои, Аѳиняне, кажутся вамъ словами самохвала, близкими къ прошенію и мольбѣ. Нѣтъ, не то, Аѳиняне, а скорѣе вотъ что: я убѣжденъ конечно, что сознательно не обижаю никого, однакожъ мнѣ не увѣрить васъ въ этомъ; потому что мы говорили между собою не долго. Мнѣ кажется, если бы и у васъ былъ законъ, какъ у другихъ людей, — судить объ уголовныхъ дѣлахъ въ продолженіе не одного, а многихъ дней; то вы убѣдились бы: напротивъ теперъ, въ короткое время, не легко разсѣять столь важныя клеветы. Впрочемъ, будучи увѣренъ, что не обижаю никого, я вовсе не желаю обидѣть и самаго себя, то-есть говорить, будто заслуживаю какое-нибудь зло и долженъ быть присужденъ къ нему. Изъ какого страха я сдѣлалъ бы это?— Чтобы не потерпѣть того, къ чему присуждаетъ меня Мелить, и о чемъ я не знаю, добро это или зло? Но положимъ, вмѣсто этого, я изберу нѣчто иное, что понимаю уже какъ зло, и обреку себя на то. Что же избрать? Узы ли? — Но для С. чего жить въ темницѣ, раболѣпствуя всегда поставляемой власти — одиннадцати судьямъ ¹? Пѣню ли и оковы, пока не выплачу ея?—Но это то же самое, что сейчасъ сказано: вѣдь у меня нѣтъ денегъ, которыя могъ бы я взнести за себя. Не присудить ли себѣ изгнанія? Можетъ быть и вы согласились бы на это.—Но я былъ бы слишкомъ животолюбивъ, Аѳиняне, когда бы имѣлъ столь мало разсудка, что не могъ понять слѣдующаго: Если вамъ, моимъ согражданамъ, невозможно вынести моихъ бесѣдъ и разсужденій, если для васъ онѣ сдѣлались тяжкими и ненавистными, такъ что вы стараетесь D. теперъ избавиться отъ нихъ; то другіе легче ли вынесутъ

¹ Одиннадцать судей, *οἱ ἑνδεκά*, имѣли власть исполнительную: ихъ дѣло состояло въ исполненіи опредѣленій Сената, которыми виновный присуждается къ смерти (*Ulric.* въ концѣ Платоновыхъ разговоровъ: Менонъ, Критонъ и Алкивиадъ I и II).

ихъ? Отнюдь нѣтъ, Аѳиняне. Значить, хороша же будетъ моя жизнь, когда я, вышедши отсюда въ такой старости, перемѣню одинъ городъ на другой и въ каждомъ стану жить изгнанникомъ! Знаю вѣдь, что куда я ни приду, гдѣ ни заговорю, — юноши вездѣ будутъ слушать меня, какъ и здѣсь. Прогоню ли ихъ?—повинаясь старшимъ, они сами изгоняютъ Е. меня. Не прогоню? — такъ ихъ отцы и родственники поступятъ со мною такимъ же образомъ.

Но можетъ быть кто спросить: а жить молчаливо и тихо, Сократъ, ты видно не будешь въ состояніи, когда выйдешь отсюда? — Въ этомъ-то убѣдить нѣкоторыхъ изъ васъ всего труднѣе: ибо скажу ли, что это значило бы не повиноваться богу и что слѣдовательно жизнь молчаливая для меня невоз-
38. можна, — вы не повѣрите мнѣ и подумаете, что я говорю притворно; скажу ли опять, что величайшее благо для человѣка каждый день разсуждать о добродѣтели и иныхъ предметахъ, о которыхъ вы слышали мои разсужденія, когда я испытывалъ себя и другихъ, и что жизнь безъ испытанія не живуща въ человѣкѣ, — вы еще менѣе повѣрите моему слову. Дѣло-то, граждане, именно таково, какъ я говорю; а убѣдить не легко. вмѣстѣ съ тѣмъ я не привыкъ почитать себя достойнымъ какого-нибудь зла. Если бы у меня были деньги,
В. то я присудилъ бы себя къ уплатѣ надлежащей суммы ихъ; потому что изъ того не вышло бы для меня никакого вреда: но теперь у меня въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Развѣ назначите заплатить столько, сколько могу, а могу заплатить вамъ, кажется, одну мину серебра. Къ этому и присуждаю себя! Но вотъ, Аѳиняне, Платонъ, Критонъ, Критовулъ и Аполлоторъ велятъ мнѣ объявить уплату тридцати минъ, и сами ручаются: присуждаю себя и къ такой суммѣ; поручителями въ этихъ деньгахъ будутъ у васъ люди, стоящіе довѣренности.

С. Ради столь краткаго-то времени, Аѳиняне, вы отъ людей, которые расположены бранить вашъ городъ, получите имя

и нареканіе, что лишили жизни Сократа, человѣка мудраго! Да, тѣ, которые вздумаютъ оскорбить васъ, назовутъ меня именно мудрымъ, хотя я и не мудрецъ. Между тѣмъ, если бы вы немного подождали,—это сдѣлалось бы само собою. Посмотрите-ка на мой возрастъ: какъ далеко ушла жизнь! какъ близко стоитъ смерть! Говорю это не всѣмъ вамъ, а тѣмъ, которые присудили меня къ смерти; имъ же говорю и слѣдующее: Можетъ быть, вы думаете, граждане, что я палъ D. отъ недостатка такихъ рѣчей, которыми могъ бы убѣдить васъ, если бы почелъ нужнымъ сдѣлать и высказать все, для избѣжанія приговора? Совсѣмъ нѣтъ; причина моего паденія конечно недостатокъ — только не рѣчей, а дерзости, безстыдства и охоты говорить вамъ то, что было бы весьма пріятно для вашего слуха, когда бы то-есть я проливалъ слезы, горевалъ, дѣлалъ и говорилъ много иного, что, какъ сказано, недостойно меня, и что однакожь вы привыкли слышать отъ другихъ. Нѣтъ, у меня и прежде не было обыкновенія, ради опас- E. ности, совершать что-нибудь рабское, и теперь не раскаяваюсь, что такъ оправдывался. Напротивъ, мнѣ кажется, лучше съ этимъ оправданіемъ умереть, нежели съ тѣмъ жить; потому что ни я, ни кто другой, въ судѣ ли то, или на войнѣ, не долженъ устремлять мыслей своихъ къ тому, какъ бы избѣгнуть всего, грозящаго смертію. Вѣдь въ сраженіи часто видимъ, что отъ смерти-то могъ бы избавиться,—кто, бросивъ 39. оружіе, обратился бы къ преслѣдователямъ съ покорностію. Есть много и другихъ способовъ избѣгать смерти въ минуту каждой опасности, лишь бы имѣть дерзость все дѣлать и говорить. Да, не это трудно, граждане; гораздо труднѣе уйти отъ злобы, чѣмъ отъ смерти; потому что первая бѣжитъ быстрѣе послѣдней. Вотъ и теперь, меня, человѣка медленнаго и стараго, догнало медленнѣйшее; а обвинители мои, люди В. сильные и живые, пойманы тѣмъ, что быстрѣе—злобою. Поэтому теперь я отхожу, приговоренный вами къ смерти; а они удаляются, обличенные истиною въ злодѣйствѣ и несправедливости. И я и они—будемъ вѣрны произнесенному надъ

нами приговору. Можетъ быть этому и надлежало случиться; видно это-то и хорошо.

- С. Послѣ сего, во мнѣ рождается желаніе предсказывать вамъ, мои осудители; ибо я достигъ уже такого возраста, въ которомъ люди, приближаясь къ смерти, особенно предсказываютъ¹. Возвѣщаю вамъ, граждане, умертвившіе меня, что тотчасъ послѣ моей смерти постигнетъ васъ казнь, клянусь Зевсомъ, гораздо страшнѣе той, на которую я обреченъ вами. Теперь вы сдѣлали это съ намѣреніемъ уклониться отъ обличеній вашей жизни;
- D. но выдетъ, говорю вамъ, напротивъ: между вами появится много обличителей, которыхъ я доселѣ удерживалъ, а вы и не замѣчали. Эти обличители будутъ тѣмъ несноснѣе, чѣмъ моложе,—и вамъ станетъ еще досаднѣе. Если вы думаете, что, умерщвляя людей, воспрепятствуете укорять себя за развратную жизнь; то судите несправедливо: такое спасеніе и не очень возможно, и не честно. Самое похвальное и легкое состоитъ не въ томъ, чтобы полагать преграды другимъ, а въ томъ, чтобы усовершенствовать себя и быть человѣкомъ отличнѣйшимъ. Предсказавъ это вамъ, моимъ осудителямъ, я оставляю васъ.
- Е. Но съ вами, моими оправдателями, мнѣ пріятно было бы поговорить о случившемся теперь событіи, пока архонты заняты² и доколѣ я не отправлюсь туда, гдѣ ожидаетъ меня смерть. Побудьте же со мною это время, граждане; вѣдь ничто не препятствуетъ намъ потолковать, пока можно. Я хочу
40. показать вамъ, какъ друзьямъ, что значитъ то, что нынѣ стало со мною. Да, со мною случилось нѣчто удивительное, граждане-судьи, (я почитаю справедливымъ называть васъ судьями). Обычное предсказаніе генія въ прежнія времена случилось у меня очень часто и противустояло мнѣ даже при

¹ Древніе вѣрили, что человѣкъ предъ смертію получаетъ способность провидѣть будущее и предсказывать. *Cicer. de divin.* 1. 30. *Eustath. ad Iliad.* XVI. p. 1089. sq. Phædon. 94. В. С. D.

² Надобно разумѣть одиннадцать судей, которымъ судьи должны были передать свое опредѣленіе, и которые въ свою очередь дѣлали надлежащія распоряженія касательно исполненія полученныхъ опредѣленій.

малѣйшихъ обстоятельствахъ, если я намѣревался сдѣлать что-нибудь не такъ. А теперь, какъ вы сами видите, со мною случилось то, что всякій конечно признаетъ и почитаетъ крайнимъ зломъ; и однакожъ божіе знаменіе не противустояло мнѣ ни поутру—при выходѣ моемъ изъ дома, ни тогда, когда я в. вступалъ въ это судилище, ни въ продолженіе моей рѣчи, когда я хотѣлъ сказать что-нибудь; хотя въ другихъ рѣчахъ не рѣдко-таки останавливало меня на срединѣ. Да, нынѣ, касательно моего процесса, оно не противустояло мнѣ ни въ дѣлѣ, ни въ словѣ. Какая же причина этого?—скажу вамъ. Случившееся со мною, должно быть, случилось хорошо, и мы вовсе несправедливо предполагаемъ, думая, будто смерть есть с. зло. Я принимаю это, какъ важное доказательство; ибо невозможно, чтобы обыкновенное знаменіе не воспротивилось мнѣ, еслибы я намѣревался сдѣлать нѣчто недоброе.

Обратимъ вниманіе и на то, какъ много надежды почитать это добромъ. Смерть есть одно изъ двухъ: или какъ бы уничтоженіе, если умершій нисколько и ничего нечувствуетъ, или нѣкоторое, по общему мнѣнію, преобразование и переселеніе души изъ здѣшняго мѣста въ другое. Положимъ же, что смерть есть совершенное лишеніе чувства, похожее на такой d. сонъ, въ которомъ спящему ничего не снится: въ этомъ случаѣ она будетъ чрезвычайно выгодна. Вѣдь мнѣ кажется, что если бы кто-нибудь долженъ былъ выбрать ночь, въ которую спать бы такъ, что во снѣ ничего не видѣлъ, и потомъ, противоположивши ей всѣ другія ночи и дни своей жизни, обязанъ бы былъ зрѣло обсудить, которыя изъ нихъ провелъ онъ лучше и пріятнѣе той; то, думаю, не только человѣку частному, да и великому царю легче было бы сосчитать первыя, чѣмъ e. послѣднія ночи и дни. А когда смерть такова, то я называю ее выгодною; ибо подъ этимъ условіемъ все время покажется не долѣе, какъ одною ночью. Положимъ опять, что смерть есть какъ бы переселеніе отсюда въ другое мѣсто—туда, гдѣ, по истинному свидѣтельству преданія, находятся всѣ умершіе: въ этомъ случаѣ что можетъ быть болѣе такого блага, гра-

41. жданае-судьи? Вѣдь кто, отошедши въ преисподнюю и избавившись отъ этихъ людей, называющихъ себя судьями, найдеть судей истинныхъ, на которыхъ, говорятъ, и въ самомъ дѣлѣ лежитъ тамъ обязанность судить, то-есть, Миноса, Радаманта, Эака, Триптолема и другихъ, бывшихъ во время своей жизни справедливейшими изъ полубоговъ; тотъ худое ли сдѣлаеть переселеніе? При томъ, не сочли ли бы вы за великую честь обращаться съ Орфеемъ, Музеемъ, Исидомъ, Омиромъ? Да я хочу умереть много разъ, если это истинно;
- В. потому что для самаго меня занимательно было бы тамъ провожденіе времени, когда бы я встрѣтился съ Паламидомъ, Аяксомъ, сыномъ Теламона ¹, и съ кѣмъ-нибудь другимъ, кто изъ древнихъ умеръ отъ несправедливаго суда. Сравнить мою участь съ ихъ участію было бы, думаю, не непріятно. А что всего лучше,—я проводилъ бы жизнь въ изслѣдованіи и испытываніи тамошнихъ обитателей, какъ здѣшнихъ, то-есть, кто изъ нихъ мудръ, и кто почитаетъ себя мудрецомъ, въ самомъ же дѣлѣ не мудрецъ. Мало ли чести, граждане-судьи, испытать вождя, ведшаго подъ Трою столь великое войско, также Одиссея, Сизифа и—можно бы назвать безчисленное множество другихъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ? Разговаривать съ ними тамъ, обращаться, испытывать ихъ, было бы безъ сомнѣнія счастіемъ непостижимымъ. При томъ же, тамошніе обитатели за это-то не лишаютъ жизни. Они блаженнѣе здѣшнихъ и по иному, и по тому, что на все время остаются уже безсмертными, если только преданія истинны.

Но и вы также, граждане-судьи, должны имѣть твердую надежду на смерть и держать въ умѣ одну истину, что для
 Д. человѣка добраго нѣтъ зла ни въ жизни, ни по смерти, и что

¹ Паламида убило камнями греческое войско за то, что, по интригамъ Улліса, на него пало подозрѣніе въ измѣнѣ. *Heun. excurs. ad Virgil. Aeneid. II. 81.* Аяксъ, сынъ Теламона, послѣ Ахиллеса храбрѣйшій изъ всѣхъ греческихъ вождей подъ Трою, не получивъ Ахиллесова оружія и бывъ униженъ предъ Улліссомъ, сошелъ съ ума и умертвилъ самъ себя. *Hom. Odys. XI. v. 545.*

о его обстоятѣльствахъ не нерадятъ боги. Вотъ и мои обстоятѣльства произошли не сами собою; для меня ясно, что теперь умереть и оставить здѣшнія заботы мнѣ гораздо лучше. Потому-то знаменіе ни разу и не отвратило меня; потому-то я и не слишкомъ досажую на своихъ осудителей и доносчиковъ, хотя они судили и доносили на меня не съ этой мыслию, а съ намѣреніемъ сдѣлать мнѣ зло, что достойно порицанія.

Вотъ о чемъ еще прошу ихъ. Граждане! отмстите мнѣ. Е. имъ сыновьямъ, когда они выростутъ, муча ихъ тѣмъ самымъ, чѣмъ я мучилъ васъ. Если откроется, что они болѣе заботятся о деньгахъ, или о чемъ другомъ, нежели о добродѣтели, либо будутъ думать, что нѣчто значутъ, ничего не знача; то укоряйте ихъ, какъ я укорялъ васъ,—зачѣмъ они не заботятся о томъ, о чемъ должно, и приписываютъ себѣ нѣкоторую цѣну, ничего не стоя. Если станете дѣлать это, 42. то и я самъ, и дѣти мои—получимъ отъ васъ должное.

Но время уже идти—мнѣ на смерть, вамъ на жизнь: а кто изъ насъ придетъ къ лучшему, — никому неизвѣстно, кромѣ Бога.

